

**Межрегиональные
исследования
в общественных науках**

**Министерство
образования и науки
Российской Федерации**

**«ИНО-Центр
(Информация. Наука.
Образование)»**

**Институт имени Кеннана
Центра Вудро Вильсона
(США)**

**Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)**

**Фонд Джона Д.
и Кэтрин Т. МакАртуров
(США)**

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования и науки Российской Федерации, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

Научный Совет

Губин Сергей Александрович	– доктор физико-математических наук
Данилова Елена Николаевна	– кандидат социологических наук
Дегтярев Андрей Алексеевич	– кандидат философских наук, профессор
Зверева Галина Ивановна	– доктор исторических наук, профессор
Каменский Александр Борисович	– доктор исторических наук, профессор
Кортунов Андрей Вадимович	– кандидат исторических наук
Юревич Андрей Владиславович	– доктор психологических наук, член-корреспондент РАН

Г.Г. КОСАЧ

***ИСЛАМ
В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ***

Москва • Логос • 2008

УДК 29
ББК 86.38
К71

*Печатается по решению
Научного совета программы
«Международные исследования
в общественных науках»*

Косач Г.Г.

К71 Ислам в Оренбургской области. – М.: Логос, 2008. – 148 с. – (Ислам в России / Под ред. проф. А.В. Малашенко).

ISBN 978-5-98704-316-6

Рассматривается место тюрко-мусульманских этнических меньшинств (татар, казахов и башкир) и ислама в демографической и конфессиональной структуре населения Оренбурга и Оренбургской области. Описываются история их эволюции в российское имперское, советское и постсоветское время, а также история становления Оренбурга как одного из важнейших центров российского ислама и тюрко-мусульманской жизни в досоветскую эпоху. Рассказывается о попытках восстановления религиозной мусульманской жизни области и областного центра в условиях эволюции современной России, включая формирование двух ведущих и противостоящих друг другу мусульманских центров области – Оренбургского и Бузурусланского муфтиятов. Анализируются процесс реанимации национальных аспектов бытия местных тюрко-мусульманских меньшинств и в этой связи взаимоотношения между национальными обществами и ассоциациями тюрко-мусульманских меньшинств и обеими мусульманскими структурами области. Важное место в работе занимают вопросы, связанные с деятельностью оренбургской областной администрации (и ее специализированных подразделений, курирующих вопросы национальной и религиозной политики).

Предназначена для специалистов-историков, культурологов, религиоведов, политологов, а также широкого круга читателей.

УДК 29
ББК 86.38

Книга распространяется бесплатно

ISBN 978-5-98704-316-6

© Косач Г.Г., 2008
© АОН «ИНО-Центр
(Информация. Наука.
Образование)», 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (<i>А.В. Малащенко</i>).....	7
ГЛАВА 1 <i>Оренбургская область: география и этноконфессиональный состав</i>	9
ГЛАВА 2 <i>Оренбургские тюрко-мусульманские сообщества: этнический состав и география расселения</i>	12
ГЛАВА 3 <i>Оренбургский ислам и его приверженцы: исторический очерк</i>	25
ГЛАВА 4 <i>Оренбургская область в постсоветское время: тюрко-мусульманские национальные объединения, власть и ислам</i>	54
ГЛАВА 5 <i>Муфтияты Оренбургской области: конкуренция и противостояние</i>	94
ГЛАВА 6 <i>Ислам и его приверженцы в Оренбургской области сегодня. Вместо заключения</i>	130
Библиография.....	139
Об авторе.....	143

ПРЕДИСЛОВИЕ

Оренбургский регион – место особое. По нему проходит так называемый Кувандыкский перешеек, самая короткая дистанция между мусульманским субъектом Российской Федерации – Башкортостаном и внешним мусульманским зарубежьем – Казахстаном. (В данном случае приходится абстрагироваться от Кавказа.)

Оренбургская область – сердце Евразии, со всеми вытекающими отсюда историческими и культурными последствиями, и потому региону всегда было присуще конфессиональное и этническое многообразие. Символично, что именно с названием этого города связано принятое в конце XVIII века указание императрицы Екатерины II о создании Магометанского духовного собрания, заложен камень в строительство отношений между государством и исламом. В каком-то смысле опыт того самого первого Духовного управления мусульман (ДУМ) востребован и по сей день.

Воспрянув духом в 1990-е годы, ислам в Оренбурге прошел несколько этапов возрождения, или, по выражению некоторых муфтиев, легитимизации. В Оренбурге начали строить мечети, открывать религиозные учебные заведения. Сравнительно разумно складывались отношения местного мусульманского сообщества с администрацией.

Оренбургские мусульмане в массе своей оставались лояльными власти и поддерживали ее кандидатов на парламентских и президент-

Предисловие

ских выборах. В 1996 г. мне довелось побывать в городе вместе с делегацией влиятельного в то время Союза мусульман России, выступавшего в поддержку Бориса Ельцина. (Правда, значительным влиянием пользовались среди городских мусульман и коммунисты.)

Однако, как и практически везде, оренбургским мусульманам все же не удалось избежать организационного раскола, взаимных обвинений, в том числе в экстремизме. Надо сказать, что в силу своего географического положения, высокой активности мусульманской общности Оренбуржье и в самом деле привлекало к себе внимание некоторых радикальных международных организаций, пытавшихся найти опору среди части мусульманской молодежи.

Ситуация с исламом, этноконфессиональные отношения в регионе планомерно изучаются местными исследователями, среди которых я бы отметил известного специалиста в этой области Веналия Амелина.

А.В. МАЛАШЕНКО,
*доктор исторических наук,
редактор серии «Ислам в России»*

ГЛАВА 1

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТЬ: ГЕОГРАФИЯ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Образованная в 1934 г. Оренбургская область – самая южная российская административная единица Урала (или самая восточная в Поволжском федеральном округе), граничащая с Татарстаном, Самарской и Саратовской областями; Башкортостаном, Челябинской областью и Республикой Казахстан (протяженность российско-казахстанской государственной границы на ее оренбургском участке составляет 1876 км).

Территория области, составляющая 123,9 тыс. кв. км¹, разделена на 35 районов, а ее конфигурация позволяет выделить в их составе три зоны западных районов, расположенных вдоль границы с Татарстаном, Самарской и Саратовской областями, центральных районов, окружающих Оренбург и простирающихся до Башкортостана на севере и Казахстана на юге, и восточных районов, находящихся между Башкортостаном на северо-востоке, Челябинской областью на востоке и Казахстаном на юго-востоке.

Из более чем двухмиллионного населения области в сельской местности сосредоточено

---

¹ См.: Оренбургская область. Путеводитель бизнесмена. – М., 1993. С. 7.

34,7%. Ее самые крупные города – Оренбург, где, по оценкам на 2007 г., проживали почти 600 тыс. человек; Орск – с населением около 300 тыс. человек и Новотроицк – около 114 тыс. человек (на юго-востоке); Бузулук – почти 90 тыс. человек и Бугуруслан – чуть более 50 тыс. человек (на северо-западе).

По итогам переписи 2002 г. (но в равной мере это относится и к данным прошлой переписи), в составе населения области доминируют русские – 73,9%, или 1 млн 611 тыс. человек¹. Присутствие украинцев (4,7%) превращает это доминирование в неоспоримое преобладание славян. Оно определяет и конфессиональный характер области – христианской, и главным образом православной. Однако ее демографический пейзаж не выглядит однотонным. По словам оренбургского автора, область – «многоэтнична и поликонфессиональна»². Эта мысль последовательно подчеркивается местными исследователями, варьируясь в зависимости от того контекста, в который она включается, – существует «многонациональный мир Оренбуржья»³, а оренбургское региональное пространство «специфично» как раз в силу своей «многонациональности» и религиозного многообразия⁴.

Правота этой мысли, казалось бы, может быть подтверждена как значительными вкраплениями в русское население групп православ-

---

¹ См.: Национальный состав населения Оренбургской области по результатам переписи населения 2002 г. (<http://www.wgeo.ru>).

² Рагузин В.Н. На острие российской геополитики. – М., 1999. С. 89.

³ Многонациональный мир Оренбуржья / Кол. авторов. – Оренбург, 1995.

⁴ Амелин В.В., Моргунов К.А., Муртазина Р.С. и др. Региональная этнокультурная политика, межэтнические и этноконфессиональные отношения в Оренбуржье // Ежегодный доклад, 2004. Оренбург, Комитет администрации Оренбургской области по делам национальностей и связям с религиозными организациями, 2005. – <http://www.mininform.orb.ru>.

ных славян (4,7% украинцев и 0,5% белорусов от общей численности населения области) и угро-финнов (мордвы – 3,2%) и тюрков (чувашей – 1%), а также (до начала 1990-х годов действительно значительных групп) принадлежащих к различным протестантским церквям немцев (2,2%), так и тем, что в пределах этого пространства присутствуют и тюркско-мусульманские этнические сообщества. Однако на фоне русского/славянского и православного/христианского преобладания тюркско-мусульманские меньшинства кажутся незначительными – 7,6% (почти 166 тыс. человек¹) татар, 5,1% (около 130 тыс. человек²) казахов и 2,4% (53 тыс. человек³) башкир⁴.

¹ Национальный состав населения Оренбургской области.

² Амелин В.В. Оренбуржье – приграничье России // Обозреватель / Observer, 1998. № 1. http://www.rau.su/observer/N01_98/index.htm.

³ Оренбуржцы празднуют юбилей башкирской автономии. 2007, 30 ноября. <http://www.rosbalt.ru/2007/11/30/436220.html>.

⁴ Здесь и далее см.: Национальный состав населения Оренбургской области. По результатам переписи населения 2002 г. (<http://www.wgeo.ru>).

По данным Министерства информационной политики, общественных и внешних связей правительства Оренбургской области, численность мусульманского населения области составляет более 300 тыс. человек. – Подписание Протокола о намерениях правительства Оренбургской области с Духовным управлением мусульман Оренбургской области, 7 июля 2006. – <http://www.orb.ru:8080/dynamic?shownews&arch&nd=963713487>.

Речь идет не только о традиционном для области тюркско-мусульманском населении, но и о том, что постсоветские миграционные процессы содействовали переселению в этот регион групп таджиков и азербайджанцев (численность которых в 2004 г. составила, соответственно, почти 2,5 тыс. и 8 тыс. человек). По данным оренбургской областной администрации, к 2004 г. численность узбеков увеличилась в 1,9 раза, а выходцев из российских северокавказских республик – даргинцев, аварцев и чеченцев – в 2,2 раза, в том числе аварцев и чеченцев – в 1,7 раза. В том же 2004 г. численность узбеков, таджиков и азербайджанцев в составе населения области колебалась от 0,5 до 0,1% (См.: Региональная этнокультурная политика, межэтнические и этноконфессиональные отношения в Оренбуржье. Ежегодный доклад, 2004. – Оренбург, 2005. – <http://www.orb.ru:8080/dynamic?shownews&nd=963711345>).

ГЛАВА 2

ОРЕНБУРГСКИЕ ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКИЕ СООБЩЕСТВА: ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ГЕОГРАФИЯ РАССЕЛЕНИЯ

Численно¹ в составе населения области татары занимают второе место после русских². Они рассеяны почти по всей ее территории, составляя порой существенную долю в демографической структуре внутриобластных административных формирований. Относительно многочисленное татарское население сосредоточено в примыкающих друг к другу районах областного подчинения, вытянутых вдоль оси, идущей от границы с Татарстаном в сторону Оренбурга. Это прежде всего районы западной зоны: Асекеевский – 45,3% (35,8% русских), Матвеевский – 29,6% (48,8% русских), Абдулинский – 29,2%, где татары, однако, незначительно преобладают над православными русскими (28,2%) и мордвой (24,2%), Северный – 18% (44,2% русских и 35,5% мордвы)³. В районах же цен-

---

¹ По данным переписи 2002 г., наиболее значительной этнической группой области после татар, казахов и башкир является мордва – 2,41%. (См.: Национальный состав населения Оренбургской области...).

² Рекомендации научно-практической конференции «Татары в Оренбургском крае». – Оренбург, 1996. С. 220.

³ Амелин В.В. О некоторых тенденциях в изменении численности татар Оренбуржья в современный период // Татары в Оренбургском крае. С. 69.

тральной зоны численность татар последовательно снижается, хотя они и остаются второй этнической группой, непосредственно следующей за русскими (17,5% в Шарлыкском, 15,9% в Саракташском и 13,4% в Переволоцком районах). Наконец, их доля существенно падает в восточных районах (где только в Кувандыкском районе присутствие 12,3% татар выглядит относительно заметно).

Казахи в количественном отношении следуют за татарами, являясь третьей по численности этнической группой области. Однако казахское население едва ли не полностью сосредоточено в юго-восточных, южных и юго-западных районах, прилегающих к оренбургскому отрезку российско-казахстанской государственной границы, как и к линии административного разграничения между Оренбургской и Саратовской областями. Численность казахов относительно значительна (следуют за русскими) только в одном районе западной зоны – Первомайском – 22,3% (64,4% русских), граничащем с Казахстаном и Саратовской областью. В четырех районах центральной зоны она составляет: в Акбулакском районе – 24% (42% русских и 20% украинцев), Беляевском – 24,3% (44,7% русских, 10,3% немцев и 8,8% украинцев), Соль-Илецком – 36,9% (52,8% русских и 7,9% немцев) и Оренбургском – 12,4% (72% русских). Вместе с тем доля казахов в демографической структуре двух районов восточной зоны достигает существенной величины, порой преобладая над совокупной численностью русских и украинцев (или приближаясь к ней). Это относится прежде всего к Ясненскому (52,5% казахов, 25,5% русских и 9,4% украинцев) и Домбаровскому (45,5% казахов, 35,2% русских и 11,2% украинцев) районам. Казахское население значительно (составляя после русских вторую по численности этническую группу) и

в четырех других районах этой же зоны: Адамовском – 34,2% (45,9% русских и 11,4% украинцев), Новоорском – 19,2% (65,9% русских), Светлинском – 14,1% (64,7% русских) и Кваркенском – 13,1% (69,2% русских).

Сохранение относительно значительной (а порой и ведущей) доли казахского населения в составе населения ряда оренбургских административных единиц областного подчинения обусловлено в первую очередь природными условиями. Мигрировавшие на территорию нынешней области и в имперскую, и в советскую эпоху (исключение составила только целинная эпопея второй половины 1950-х – начала 1960-х годов) русские/славянские переселенцы осваивали главным образом не степное, а лесостепное и пересеченное реками пространство. Более того, в районах восточной зоны казахи сохранили традиционный и восходящий к эпохе кочевого образа жизни ареал своего расселения – к югу и востоку от реки Урал, бывшей естественной границы между их кочевьями и кочевьями башкир.

В численном отношении башкиры являются третьей этнической группой в демографической структуре Оренбургской области. Как и в случае с казахами (российско-казахстанское пограничье), присутствие башкир ощутимо в первую очередь в тех районах, которые граничат с Башкортостаном. Исключение составляет лишь один из районов западной зоны – Красногвардейский, где доля башкирского населения, несмотря на сравнительную отдаленность этого района от линии территориального разграничения между Оренбургской областью и Башкортостаном, достигает 19,2% (уступая, тем не менее, русским – 40,8% и немцам – 26,5%). В одном из районов центральной зоны (с трех сторон окруженном территорией Башкортоста-

на) – Тюльганском – башкиры составляют вторую по численности (после русских – 68,7%) группу населения – 12,2%. Наконец, численность башкир повышается во входящих в восточную зону административных единиц областного подчинения, расположенных к западу и северу от реки Урал, достигая 21,1% (50,2% русских и 7,1% татар) в Гайском и 24,6% (48,8% русских) в Кувандыкском районах и составляя там также вторую по значению (после русских) этническую группу.

Несмотря на то что в тех или иных административных единицах областного подчинения доля представителей каждого из трех тюрко-мусульманских этнических сообществ порой относительно высока, этот показатель ни в коей мере не меняет общую картину русско-славянского и православного/христианского демографического и религиозного доминирования. Следует отметить, что в своем подавляющем большинстве представители тюрко-мусульманских этнических сообществ нынешней Оренбургской области остаются сельскими жителями, что дает возможность предположить, что они были в малой степени затронуты модернизационными процессами имперского и советского времени.

Казалось бы, татары – неотъемлемая часть населения городов Оренбургской области. Но соотношение татарского и русского/славянского населения в городах повторяет сельскую ситуацию: доля татар относительно значительна в Бугуруслане – 9,3% (72% русских) и Абдулине – 9,2% (68,3% русских), снижаясь до 7,1% в Оренбурге (где доля русских достигает почти 83%) и составляя 4% в Орске (78,4% русских и 6,3% украинцев), 3,3% в Новотроицке (81,6% русских и 5,7% украинцев) и 2,1% в Бузулуке (90% русских). Если доля татар в го-

родах и выглядит относительно высокой, то только лишь в сравнении с казахами и башкирами.

Доля казахов в тех же городах составляет, соответственно, в Оренбурге — 1,3%, в Орске — 3%, в Новотроицке — 2,1%, в Бугуруслане — 0,5% и в Бузулуке — 0,2%. Показатели же для башкир достигают максимальной отметки только в Новотроицке (2,1%), снижаясь в Орске (1,7%) и падая до минимальной отметки в Бугуруслане (0,1%). Все три тюрко-мусульманские этнические группы не только не многочисленны, но и маргинальны (что доказывает в первую очередь проживание их представителей в сельской местности). В населении же городов, где господствуют русские/славяне, они представлены явно недостаточно. В свою очередь относительно высокое по сравнению с другими тюрко-мусульманскими общинами представительство татар в городском населении нынешней Оренбургской области — часть наследия дореволюционной эпохи, когда татарское купечество и предпринимательство играло заметную роль на Урале и в Поволжье.

Представители тюрко-мусульманских общин области медленно и непоследовательно включались в процессы хозяйственного освоения зоны восточных (а также и западных) районов области, где в советскую эпоху возникали динамично развивавшиеся очаги экономического роста и создавались новые центры урбанизации. На востоке области к ним относятся, в частности, города Новотроицк (часть ориентированной на Орск индустриальной агломерации), Медногорск¹ (в пределах Кувандыкского района — узкого коридора,

---

¹ Рабочий поселок Медногорск был основан в 1929 г. в связи с открытием Блявинского медно-колчеданного месторождения и строительством медно-серного комбината. В апреле 1939 г. был преобразован в город.

разделяющего Башкортостан и Казахстан), Гай¹ и Ясный² (центры созданных в 1979 г. административных единиц областного подчинения). Если Медногорск и Гай создавались к северу от реки Урал – в зоне исторического обитания башкир, то Новотроицк и Ясный – казахов.

Сравнительно высокая доля башкир в Кувандыкском районе (24,6%) ни в коей мере не означает, что выходцев из этой этнической группы столь же много в составе населения Медногорска. Напротив, в основном промышленном центре этого внутриобластного административного образования соотношение ведущих этнических групп принципиально иное, чем в масштабе района: 79,8% русских, 4,7% башкир и 3,9% татар. В Гае и Гайском районе ситуация, по сути, аналогичная. Если в составе населения всего района насчитывается 50,2% русских и 21,1% башкир, то в районном центре – 77,6% русских, 4,1% татар и только 4,7% башкир.

Новотроицк – город областного подчинения на территории Новоорского района, где расположено крупнейшее индустриальное предприятие регионального масштаба – Орско-Халиловский металлургический комбинат, а также несколько крупных химических заводов. Казалось бы, соседство огромной ин-

---

¹ Гай был основан в 1959 г. как поселок строителей горно-обогатительного комбината при открытом в этом месте месторождении медно-колчеданных руд. Статус города был им получен в 1979 г.

Город был назван в честь Гая Дмитриевича Гая (Гайка Бжишкяна) – советского военачальника (1887–1937) времени Гражданской войны, воевавшего в 1918 г., в том числе и против вооруженных формирований атамана Оренбургского казачьего войска полковника А.И. Дутова.

² Ясный был основан в 1961 г. в связи с открытием Киёмбаевского месторождения асбеста и строительством горно-обогатительного комбината «Оренбургасбест». С 1979 г. это город областного подчинения.

дустриальной агломерации должно было нанести решительный удар по традиционному сельскому образу жизни казахского населения, однако национальная структура города свидетельствует об обратном: 81,6% русских, 6,3% украинцев и 1,7% казахов. Представительство тех же национальных групп в составе населения города Ясный, где действует горно-обогачительный комбинат (ныне открытое акционерное общество) «Оренбургасбест», еще более красноречиво. В то время как на территории Ясненского района казахи — количественно господствующая этническая группа, а русские и украинцы составляют меньшинство, картина в самом городе принципиально иная — здесь 67,2% русских, 10,5% украинцев и только 6,7% казахов.

Такая же ситуация сложилась с татарами, проживающими в западных областях. Бугуруслан — центр оренбургской нефтедобычи, где уже в 1937 г. этот процесс был поставлен на промышленную основу. В 1963 г. на территории области (прежде всего в районах западной и центральной зон с их относительно значительным татарским населением) стало работать производственное объединение «Оренбургнефть»¹. Но это обстоятельство лишь в малой степени изменило статус татар, населяющих западные районы области, — в подавляющем большинстве они остались сельскими жителями.

Конфигурация современной Оренбургской области, считающей себя преемницей одного из территориально значительных администра-

---

¹ Объединение «Оренбургнефть» с 2000 г. входит в состав Тюменской нефтяной компании, а с 2003 г. — Тюменской нефтяной компании «British Petroleum» (см. об этом: Оренбургнефть — Открытое акционерное общество. История компании. — <http://www.orenburgneft.ru/comr/history>). Последнее посещение — 30 декабря 2007 г.

тивных образований имперского и раннего советского времени – одноименной губернии, не скрывает, а, скорее, подчеркивает существующие в ее пределах линии регионалистских разломов. Ее территория – итог осуществленных после советизации Южного Урала и Поволжья административных преобразований, целью которых было, в частности, создание (при деятельном участии самих оренбургских советских руководителей) первых российских национальных автономий – башкирской и казахской¹. Этот процесс лишал губернию значительных участков ее территории², вошедших в 1919 г. в состав Малой Башкирии³. Юго-западная граница последней первоначально проходила в непосредственной близости от губернского центра или ставших самостоятельными административных образований (нынешняя Челябинская область), создав условия для последующего включения (1920) остатков губернского административного про-

¹ Здесь и далее см. об этом: *Косач Г.Г.* «Государственный» город и национальные автономии: Оренбург в первые советские годы // *Вестник Евразии*, 2002. № 2. С. 100–135.

² В состав Малой Башкирии вошли 17 волостей Оренбургского уезда и 28 волостей Орского уезда Оренбургской губернии.

³ Первая национальная автономия в составе советской России. Малая Башкирия была образована на основе подписанного 20 марта 1919 г. в Москве соглашения между центральной Советской властью и Башкирским правительством, созданным 21 февраля 1919 г. в селе Темясово представителями башкирских полков, перешедших на сторону российского большевистского руководства и возглавленных национальным лидером А.-З. Валидовым (Валиди). Вплоть до августа 1920 г., когда столицей автономии стал г. Стерлитамак, Темясово оставалось ее центром. В состав Малой Башкирии вошло почти 2/5 территории Оренбургской губернии – значительная часть волостей ее северных и северо-восточных уездов. Присоединение к автономии в 1922 г. Уфимской губернии создавало Большую Башкирию – нынешнюю Республику Башкортостан (см. об этом: Башкортостан. Краткая энциклопедия. – Уфа, 1996. С. 381).

странства (потерявших значительную часть своей территории Оренбургского и Орского уездов) в состав «киргизской¹» (казахской) автономии². Выделение же губернии из состава казахской автономии (1924) вновь восстановило ее самостоятельное существование. Тем не менее это положение продолжалось недолго, — с 1928 по 1934 г. ее перекроенная территория была включена в состав Средне-Волжского края с центром в Самаре (Куйбышеве).

Процесс этих преобразований формировал современную Оренбургскую область, становившуюся в территориальном отношении во многом далекой от своего исторического предшественника. Но, более того, эти преобразования едва ли не в первую очередь содействовали становлению ее нынешнего этнического состава. Возникновение Малой Башкирии, как и отсечение от губернии Челябинского и Троицкого уездов (нынешней Челябинской области), первоначально существенно снизило долю башкирского (как и татарского) населения в демографической структуре двух оставшихся в составе Оренбургской губернии уездов. Эта губерния становилась более русской, а в конфессиональном отношении и более православной (в 1925 г. в ней проживало почти 80% русских, 6% татар, 3,3% казахов и 0,05% башкир³).

---

¹ «Киргизы» — этноним, использовавшийся в имперской России, а также в первый годы советской власти по отношению к казахам.

² Автономная (в составе России) Киргизская Советская Социалистическая Республика была первоначально создана в составе Семиреченской, Акмолинской, Уральской и Актюбинской областей «Степного края», а также Букеевской орды и Оренбургской губернии. Оренбург стал столицей этого административно-национального образования.

³ См.: Статистический справочник Оренбургской губернии. — Оренбург, 1925. С. 6–8, а также: *Косач Г.Г.* Город на стыке двух континентов: оренбургское татарское меньшинство и государство. — М., 1998. С. 67.

Косач Г.Г. Ислам в Оренбургской области

Выделение Оренбургской губернии из состава казахской автономии вновь меняло, казалось бы, уже устоявшуюся ситуацию, — настаивая на размежевании, оренбургские руководители требовали образовать самостоятельное административное образование, но «в новых границах с присоединением к губернии тяготеющих к Оренбургу и Оренбург-Орской железной дороге поселений ... Актюбинской, Кустанайской губернии и Троицкого округа Уральской области»¹. Включение в губернию расположенных вдоль построенной накануне Первой мировой войны железнодорожной ветки Оренбург—Орск некоторых территорий бывшего Степного края (современный Казахстан. — *Г.К.*) в немалой степени увеличило долю казахского населения до современного уровня.

Становление татарского этнического сообщества в демографической структуре современной Оренбургской области было все так же тесно связано с формированием конфигурации не только всего ее территориального пространства, но и отдельных регионов.

При создании области в нее были включены, кроме территориально усеченных Оренбургского и Орского уездов прежней губернии, ее нынешние районы западной зоны, ранее входившие в Самарскую губернию (которые и сегодня продолжают экономически тяготеть к своей «метрополии» — ведущему центру Среднего Поволжья — Самаре). В свою очередь, коррекция территории башкирской автоно-

---

¹ См.: Доклады и материалы о выделении Оренбургской губернии из Киргизской ССР и перенесении центра Киргизской ССР из Оренбурга. 1924–1925 гг. — Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 520. Л. 40–43. Текст документа см.: *Косач Г.Г.* Государственный город и национальные автономии. С. 129–131.

мии определила нынешнюю границу (отдалив ее от Оренбурга) области и Башкортостана (а также увеличила долю башкир в демографической структуре области), включая и соединивший бывшие оба губернских уезда коридор Кувандыкского района. Одновременно татарское население западной зоны внутренних административных формирований области может рассматриваться как прямое продолжение поволжско-татарской этнической группы (а сами эти формирования – как часть исторической территории ее расселения). В свою очередь, появление татар в центральных районах областного территориального пространства (прежде всего, в Оренбургском и Орском уездах бывшей губернии) связано с политикой имперской России (но также и советской политикой) на Южном Урале и на границе степного края.

Оренбургская губерния была создана после 19 апреля (по старому стилю) 1743 г., когда на месте его современного местоположения¹ был заложен ее будущий центр – Оренбург². Формирование населения губернии явилось итогом длительной колонизации выходцами из Центральной России (а впоследствии и из украинских земель) территории прежде дис-

---

¹ Первоначально Оренбург был заложен в 1735 г. при впадении в реку Урал его притока Орь (отсюда и его название – город на реке Орь) на месте современного Орска. Спустя два года он был перенесен вниз по течению Урала, на место вблизи урочища Красная Гора (около современного Оренбурга). Третья же его закладка состоялась вновь на европейском берегу Урала неподалеку от впадения в него реки Сакмара. Это обстоятельство позволило жившему и служившему в Оренбурге В.И. Давлю говорить о нем как о «трижды зачатой, единожды рожденной твердыне, русском городе». (См.: *Даль В.И. (Казак Луганский)*. Полное собрание сочинений. – СПб., 1897–1898. Т. VII. С. 237).

² О создании Оренбурга и Оренбургской губернии см.: *Косач Г.Г.* Город на стыке двух континентов. С. 23–39.

Косач Г.Г. Ислам в Оренбургской области

персного башкиро-казахского расселения. Последним этапом этой колонизации стала целая эпопея 1960–1970-х годов, содействовавшая устойчивому экономическому росту районов восточной зоны области.

Речь шла о последовательном движении¹ значительных масс, прежде всего русских (а также других славян), осваивавших пространство, ранее географически далекое от места их традиционного проживания. Этот миграционный процесс и укоренение его участников в пределах новой территории был немыслим без поддержки государства. Интересы российской империи требовали «замирения» башкирских земель, а экспансия в направлении казахского Степного края и Средней Азии предполагала создание на Южном Урале российской крепости (ею до 1862 г. и был Оренбург) и окружающего его «русского анклава». В советскую же эпоху поощряемое «сверху» заселение Оренбургской области вытекало из комплекса задач, призванных обеспечить стабильное экономическое развитие страны. По словам В.Н. Рагузина (в прошлом одного из руководителей областной администрации), «многоэтничное поэтапное заселение Оренбуржья представляет собой... процесс, имевший в каждый период свои социально-экономические, этнонациональные и конфессиональные характеристики»².

Татары были одними из участников миграции в Оренбургскую губернию, тем более что первые потоки колонистов направлялись туда из Поволжья. Движение татар в этом на-

¹ По словам оренбургского историка Ю.С. Зобова, «до 30-х годов XVIII в. территория нашей области практически еще не была заселена» (см.: *Зобов Ю.С.* Начальный этап формирования татарского населения Оренбуржья (40–50-е годы XVIII в.). — Татары в Оренбургском крае. С. 6).

² *Рагузин В.Н.* На острие российской геополитики. С. 62.

правлении (в частности, в зону центральных районов современной области, где в середине XVIII в. их доля достигала порой более половины общего числа переселенцев¹) определялось целями имперской администрации, список которых был широк. Это и развитие хлебопашества, и охрана вновь пролагавшихся дорог, и организация почтовой службы, и, наконец, налаживание торговых сношений со Степным краем и Средней Азией. Причиной, толкнувшей поволжских татар к переселению на территорию губернии, стала возможность получения, по выражению оренбургского историка Ю.С. Зобова, «свободных земель... многоземельной окраины», а также и спасение от насильственной христианизации. Но если оседание татар в центре и на востоке современной Оренбургской области и восходит ко времени создания губернии и реализации имперских начинаний, то одновременно этот процесс (в отличие от ситуации в районах западной зоны) создавал там условия для создания диаспоры поволжских татар. Эта ситуация фиксировалась татарским автором первой половины истекшего столетия Г. Ибрагимовым, по словам которого, Казань была центром Татарии, а Оренбург – ее периферией, одним из ее отростков². Однако именно этот отросток стал основой для становления в пределах современной Оренбургской области ее многоэтнического сообщества приверженцев ислама.

---

¹ Здесь и далее см.: Зобов Ю.С. Указ. соч. С. 7–9.

² Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года. – Казань, 1926. С. 15.

ГЛАВА 3

ОРЕНБУРГСКИЙ ИСЛАМ И ЕГО ПРИВЕРЖЕНЦЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Говоря о центре области – Оренбурге (где мусульмане – татары, казахи и башкиры в численном отношении минимальны), местный краевед назвал, тем не менее, «символом города»¹ одну из его наиболее известных мечетей (исторически – II соборная мечеть), часть историко-архитектурного памятника «Караван-сарай». Определяя свою точку зрения, В.В. Дорофеев писал, что эта мечеть – «существенный элемент» оренбургского «городского пейзажа, характерная деталь его силуэта», а ее минарет играет важную «градообразующую роль»².

Но идентичную роль в том же городе играют и другие каменные мусульманские храмы (при которых существовали и *медресе*): построенные в конце XIX – начале XX столетия мечети «Хусаиния» – VI соборная мечеть (здесь и далее приводятся их современные и истори-

---

¹ *Дорофеев В.В.* Символ города. – Оренбург, 1993.

² Говоря о мечети «Караван-сарай» как о символе города, В.В. Дорофеев добавлял: «Минарет мечети играет существенную градообразующую роль. В историческом плане комплекс особенно интересен своей тесной связью с событиями 1917 года. Но еще одна черта позволяет назвать его символом города; строительство комплекса было таким же многонациональным, как и город, а Оренбург, таким он был и остается» (см.: там же. С. 41).

Мечеть комплекса Караван-сарай.
Минарет мечети – символ современного Оренбурга

ческие названия. – Г.К.), «Сулеймания» – V соборная мечеть, «Рамазан» – VII соборная мечеть и, наконец, Центральная соборная мечеть (исторически – III соборная мечеть). Впрочем, этот список не исчерпывается лишь ими – в центре города (в течение 1930-х годов во многом лишившемся расположенных там ранее православных храмов) сохранились и здания двух других городских мечетей – открытой в 1805 г. I соборной и сооруженной в 1885 г. IV соборной мечети¹. Однако первыми мусульманскими храмами, появившимися на территории современной Оренбургской области, были начавшиеся строиться в 1744 г. мечеть Сеитова Посада (см. ниже), а также открытая в 1746 г. и просуществовавшая до 1930 г. мечеть располагавшегося неподалеку от Оренбурга, на азиат-

¹ О мечетях Оренбурга см.: *Денисов Д.Н.* Исторические мечети Оренбурга // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVII в. – 1917 г.): Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., Казань, 25 апреля 2006 г. – Казань, 2006. С. 53–72.

Памятник «Европа—Азия» в Оренбурге, установленный на островке реки Урал, разделяющей эти два континента

ской стороне реки Урал менового двора¹. В сегодняшнем оренбургском дискурсе эти мусульманские храмы — одно из доказательств того,

¹ Там же. С. 53–54.

Меновой двор — комплекс торговых сооружений, специально построенный в непосредственной близости от крепости Оренбург на противоположном (азиатском) берегу реки Урал (Бухарской стороне) для ведения меновой торговли с купцами из среднеазиатских государств и Степного края. Начал функционировать в 1744 г., на следующий год после завершения строительства Оренбурга.

что областной центр — место единения Европы и Азии, как и подтверждение евразийской сущности Оренбургской области в качестве неотъемлемой части евразийской же России.

Значительное число мусульманских культовых зданий в границах областного центра (но эта ситуация была характерна и для Орска¹), как и сравнительно раннее последовательное, санкционировавшееся городскими властями их появление, отнюдь не означало, что в идентичном направлении события развивались и в центрах нынешних районов западной зоны (в прошлом — уездных городах востока Самарской губернии). В Бугуруслане первая (деревянная) мечеть появилась только в пореформенный период — в 1868 г., а каменная соборная стала реальностью этого города лишь двадцать лет спустя, в 1888 г.² В свою очередь первая мечеть Бузулука (а, по сути дела, молитвенный дом) возникла в 1896 г., а разрешение на строительство соборной мечети этого города было получено лишь в 1913 г. Непременным условием для создания мусульманских храмов в этих двух городах, как отмечал современный автор, было согласие местных епархиальных властей. Вместе с тем их

---

¹ По мнению В.В. Дорофеева, первая, очень маленькая, мечеть на территории современной Оренбургской области появилась сразу же после основания Оренбурга на месте современного Орска, рядом с домом ханского сына-аманата в малой крепости у устья Ори. Оренбургский краевед добавлял также, что эта мечеть просуществовала самое позднее до весны 1749 г., когда северную половину крепости затопило в половодье (см.: *Дорофеев В.В. Мечети Оренбуржья и его центра // Христианство и ислам на рубеже веков. Мат. Всерос. науч.-практ. конф. — Оренбург, 1998. С. 218.*

² Здесь и далее см.: *Гибадуллина Э.М. История строительства мусульманских культовых зданий в уездных городах Самарской губернии во 2-й половине XIX — начале XX вв. // Там же. С. 211–224.*

позднее возникновение объяснялось как незначительностью локальных (городских. — Г.К.) общин, так и низким социально-экономическим положением местных мусульман, что, по словам того же автора, подтверждалось и тем, что мечети основных городских центров на западе современной Оренбургской области, в отличие от оренбургских мечетей, не располагали вакуфной собственностью¹.

Ситуация в пределах зоны центральных районов современной Оренбургской области выглядела во многом иначе. Ее важнейшей чертой явилось то, что российское государство в силу своих геополитических устремлений было заинтересовано в притоке мусульман на территорию вновь созданной губернии. Одновременно проводившийся им курс, направленный на все более последовательное развитие хозяйственных контактов с казахским Степным краем, а также среднеазиатскими государственными образованиями (а в дальнейшем и их включение в имперское территориальное пространство, с опорой на российское «окно в Азию» — крепость Оренбург²), содействовал укоренению ислама в среде тех, кто сегодня, естественно, воспринимается в качестве его приверженцев — башкир и казахов. Ведущую роль в реализации этого направления российской государственной политики играли давние подданные империи — выходцы из рядов поволжско-татарского этнического сообщества.

Спустя год после основания Оренбурга на месте его нынешнего расположения, осенью 1744 г. в непосредственной близости от губернского центра на берегу притока Урала реки Сакмара «была застроена торговых татар сло-

---

¹ Там же. С. 222–223.

² См. об этом: К 250-летию Оренбурга. — Челябинск, 1993. С. 76.

бода, называемая Каргалинская»¹ (в дальнейшем, вплоть до 1925 г., – город Сеитов Посад, по имени купца Сеита Хаялина, инициатора переселения туда группы татар из Казанской губернии), ныне примыкающая к областному центру – деревне Татарская Каргала. Появление этой «слободы» составило веху в развитии татарского этнического сообщества, как и тюрко-мусульманского сообщества Волго-Уральского региона².

Сеитов Посад³ возник по воле имперских властей. Его рождение демонстрировало способность государства (тогда еще инерционно продолжавшего курс на христианизацию своих поволжских мусульманских подданных) вносить существенные коррективы в ранее избранный политический курс. Этот город был необходим Российской империи для установления и развития торговых отношений с казахским Степным краем и Средней Азией. Вместе с тем прагматические соображения российской власти создавали ситуацию, когда впервые, после целой эпохи насильственного крещения, на огромном пространстве между Волгой и Уралом появлялся, по словам долго жившего и работавшего в Оренбурге татарского мыслителя и богослова Ризаэтдина Фахретдинова, чисто мусульманский город⁴, где после падения Казани возрождались национальная жизнь. Речь, разумеется, шла о религиозной стороне этой жизни (впрочем, иные ее стороны в то

---

¹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1896. С. 80.

² Так, в частности, современное, вышедшее в Уфе издание отмечает, что в нескольких медресе Сеитова Посада учились шакирды – башкиры, татары и казахи, а сами эти медресе возникли при поддержке «мусульманского купеческого капитала». – Башкортостан. Краткая энциклопедия. С. 391.

³ См. о нем: Косач Г. Г. Город на стыке двух континентов... С. 31–35.

⁴ Здесь и далее см.: Фахретдин Ризаэтдин ибн. Ахмад-бай / Пер. М.Ф. Рахимкуловой. – Оренбург, 1991. С. 6.

время и не могли стать реальностью). Существовала и другая причина появления Сеитова Посада. Если в Оренбурге были сосредоточены административные и военные структуры губернской власти, то в Сеитовом Посаде с его купеческой ратушей¹ располагался центр региональной торгово-хозяйственной активности. К 1810 г. в нем было семь мечетей².

Татарское купечество (в первую очередь сеитовское) играло, по словам оренбургского исследователя, определяющую роль в торговле на оренбургском Меновом дворе. Да и сам Меновой двор был создан ради развития российско-среднеазиатских коммерческих сношений, когда для привлечения в Оренбург торговцев из Степного края и Средней Азии на его территории возникла построенная на государственные средства мечеть с полагавшимся ей штатом оплачивавшихся также региональной властью служителей культа. Наконец, указом Екатерины II от 8 июля 1782 г. в «пристойных местах» в пределах Оренбургской губернии (включая и сам губернский центр) предписывалось (игнорируя мнение местных епархиальных структур) на средства российского казначейства сооружать мусульманские храмы для привлечения кочевников-казахов и выходцев из среднеазиатских государств. Выходцы из Сеитова Посада чаще всего становились их *имамами* и *муэдзинами*, а также и *мударрисами* в возникавших при этих мечетях средних и начальных религиозных школах — *медресе* и *мектебах*, где должны были учиться сыновья казахской степной знати³.

Постепенно торгово-предпринимательская активность татар охватила и Оренбург, что оп-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII, № 16089.

² Дорوفеев В.В. Мечети Оренбуржья и его центра. С. 218.

³ См. об этом: Денисов Д.Н. Указ. соч. С. 53–54.

ределялось задачами экономического развития города. В 1805 г. в губернском центре возвели первую соборную мечеть, которая сооружалась «на казенный счет»¹. Оренбург менялся, становясь многонациональным и многоконфессиональным. В городе все более ощущалось (прежде всего после упразднения в 1862 г. его статуса крепости) татарское присутствие: 12,6% при численности населения 42 123 человек в 1875 г., более 24% от почти 60 тыс. человек в 1888 г. и, наконец, 12,2% от 134 457 человек в 1916 г.²

В сословной структуре татар Оренбургской губернии, уже в эпоху создания Сеитова Посада именовавшихся торговыми татарами, ведущую роль играло купечество. Но по мере того как Оренбург становился полюсом притяжения для мусульман Поволжья и Урала, в городе и вокруг него появились татары-мещане и «рабочие люди». Тем не менее важнейшим направлением интеграции губернского татарского сообщества в хозяйственную жизнь России (на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX вв.) оставались торговые контакты с сопредельными территориями и государствами. Документы Государственного архива Оренбургской области свидетельствуют о том, что татарский язык – тюрки³ высту-

¹ Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. – Оренбург, 1877. Вып. I. С. 36.

² Данные см.: Однодневная перепись населения г. Оренбурга, произведенная 21 декабря 1875 г. – Оренбург, 1878. С. 26; Столянский П. Н. Материалы к истории и топографии города. – Оренбург, 1908. С. 60; Диалог. Факты, комментарии, документы. – Оренбург. 1990. № 6. С. 9.

³ Так называемый *старотатарский* литературный язык, близкий к *чагатайскому* (*староузбекскому*) литературному языку и испытавший влияние османского языка. В нем использовалась арабо-персидская графика и была значительная доля арабских и персидских заимствований. Сфера его употребления ограничивалась слоем образованных. Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

пал как главное средство взаимопонимания в ходе торговли с Хивой, Бухарой, Кокандом и тюркоязычным китайским Синьцзяном. Крайне немногочисленные русские купцы, принимавшие участие в коммерческих отношениях со среднеазиатскими государствами, были вынуждены отправлять свои караваны в сопровождении нанимавшихся ими работников-татар¹.

Взаимодействуя с государствами Средней Азии, татарские купцы губернии не ограничивались ролью посредников в российско-среднеазиатской торговле. Они становились и политическими агентами в регионе, который Российская империя во все большей мере начинала рассматривать как аренду собственной геополитики. В этой сфере они оказывались незаменимыми в силу все тех же обстоятельств — языка и вероисповедания. Власти открыто опирались на татар, готовя и осуществляя свою экспансию в направлении Степного края и Средней Азии, — иных путей ее реализации просто не было или для империи они могли оказаться слишком разорительными. Тем самым «татарский» ислам включался в государственный контекст. Заключительным аккордом процесса его огосударствления стало создание в сентябре 1788 г. в Уфе (закрытый характер крепости не позволил сделать это в самом Оренбурге) Оренбургского магометанского духовного собрания, руководство которым закреплялось за татарскими муфтиями². Про-

---

ванных людей. См. об этом: *Закиев М.З.* Введение: койне, традиционные нормы, старотатарский и современный татарский литературные языки // *Истоки татарского литературного языка.* — Казань, 1988. С. 3–9; *Исхаков Д. М.* Проблемы становления и трансформации татарской нации. — Казань, 1997. С. 23–28.

¹ Анализ этих документов см.: *Косач Г. Г.* Город на стыке двух континентов. С. 44–45.

² Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII, № 16710, 16711.

странство Оренбургской губернии (как и нынешней Оренбургской области) входило, естественно, в состав «канонической» территории этого Собрания.

Подписание ханом казахского младшего жуза Абулхаиром в октябре 1731 г. акта о признании своего подданства Российской империи стало началом процесса распространения российской власти на казахские земли и казахское общество. Речь шла в первую очередь об усмирении Степного края. Но этот процесс ни в коей мере не ограничивался лишь использованием силового давления и колонизацией. По словам одного из первых по-русски образованных казахских интеллигентов, учено-географа и российского политического агента Чокана Валиханова, вместе с русской цивилизацией проник в Степь и ислам. Этот ислам, распространявшийся в среде этноса, пока еще слабо знакомого с основами мусульманского вероучения (это равным образом относилось и к ближайшим соседям казахов – башкирам), он называл «татарским»¹.

«Просвещенная» веротерпимость Екатерины II была по достоинству оценена наиболее проникательными российскими авторами. Комментируя создание Оренбургского магометанского духовного собрания, один из них подчеркивал: «При своем самостоятельном развитии татары оказались способными быть не только податными единицами, но и политической силой. Императрица Екатерина II не пренебрегла последним. Она учредила... в России татарского муфтия... и предоставила татарам право закреплять свое духовное влияние и торговую эксплуатацию у башкирцев и киргизов». Результаты этой политики не за-

---

¹ Валиханов Ч. Следы шаманства у киргизов // Ч. Валиханов. Собрание сочинений. – Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 49.

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

медлили сказаться: «Вследствие этого в башкирских улусах возникло множество мечетей; осаживаясь около них, башкирцы сократили свои кочевки, а через это образовалось много пустопорожных земель, которые достались русскому народу». Одновременно «в северной... части киргизского кочевья татары не замедлили подорвать духовное влияние ходж и торговлю среднеазиатских сартов (узбеков. — *Г.К.*), не бывших в русском подданстве»¹.

Татары Оренбургской губернии оказались незаменимы при проведении политики русского проникновения в Степной край². Вплоть до 1860 г. канцелярия оренбургского генерал-губернатора назначала в казахские кочевья «письмоводителями» татар, предварительно экзаменовавшихся на «удовлетворительное знание татарского языка»³. Уступая просьбам казахских правителей, канцелярия разрешала выходцам из татарской среды проживать в «киргизской степи» для «отправления богослужения и обучения детей татарскому, арабскому и персидскому языкам»⁴. Высшие оренбургские чиновники считали необходимым обучение казахских детей татарскому алфавиту (арабо-персидской графике, использовавшейся *тюрки*. — *Г.К.*), подчеркивая, что «иначе киргиз... останется безграмотным в глазах своих соплеменников, между которыми татарская грамотность давно и широко развита»⁵.

¹ Балакшин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. — СПб., 1887. С. 15–16.

² См. об этом более подробно: Косач Г.Г. Казахский «образованный класс» в Российской империи // Казахстан и Россия: общества и государства / Отв. ред. Д.Е. Фурман. — М., 2004. С. 14–16.

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Ед. хр. 6490. Л. 3–4, 7, 10, 14.

⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 10. Ед. хр. 6889. Л. 26–28.

⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 10. Ед. хр. 8481. Л. 51.

Наконец, принципиально важным направлением деятельности татар в Степи, включая и зону казахских кочевий на юге современной Оренбургской области, становилось создание мечетей (которыми руководили татарские имамы, назначавшиеся муфтием Оренбургского магометанского духовного собрания) при создаваемых российскими властями военных укреплений¹. В списке этих укреплений присутствовали, в частности, Орск и центры нынешних оренбургских районов, расположенных вдоль линии российско-казахстанской государственной границы – Соль-Илецк (бывшая Илецкая Защита), Кваркено и Новоорск.

Российская империя нуждалась в том, чтобы на деле стать «верховным сюзереном²» правителей Степи. Реальное обретение этого ста-

---

¹ Как отмечала казахстанская исследовательница Г.С. Султангалиева, в течение XVIII – начала XIX в. татарские муллы, «выдержавшие испытание при Духовном собрании (Оренбургском магометанском духовном собрании. – Г.К.), получали указ Оренбургского губернского правления... становились “указными муллами” и направлялись в казахский Степной край. Там они занимали особое положение официальных представителей империи, назначаемых и утверждаемых российской властью. Функции их отнюдь не ограничивались непосредственными религиозными обязанностями. Напротив, сами эти обязанности были направлены на то, чтобы воспитывать казахских единоверцев в духе лояльности Российской империи». Она же добавляла, что «сооружение мечетей в Степном крае началось в первой половине XIX века. Оно осуществлялось только вдоль пограничных линий, его инициаторами в основном выступали татары» (см.: Султангалиева Г.С. Татарская диаспора в конфессиональных связях Степного края (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии, 2000. № 4. С. 23–25.

О роли татар в российской политике в Степном крае см. также: Ремнев А. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии, 2006. № 4. С. 5–31.

² См.: Ерофеева И.В. Эволюция ханской власти и включение Казахстана в состав Российской империи (1731–1865 гг.) // Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева и др. История Казахстана: народы и культуры. С. 171.

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

статуса требовало привлечения этих правителей на сторону российского государства. Одним из методов привлечения становилась учеба сыновей казахской знати в России, чаще всего в Оренбурге и вблизи него. При этом первоначально речь не шла о русских учебных заведениях. Казахи учились в школах, созданных татарами. Практика отправки сыновей султанов на учебу в магометанские училища (прежде всего в Сеитовом Посаде) выглядела едва ли не единственным способом приобщения молодого поколения казахской знати к основам российской жизни¹.

«Старшины киргизской орды, выводимые на ханское достоинство, — отмечал в письме от 12 июня 1823 г. к оренбургскому губернатору П.К. Эсену российский министр иностранных дел К.В. Нессельроде, — должны быть приготовленными к успешному исполнению обязанностей сего звания хотя бы некоторым предварительным образованием». Этих старшин — пять молодых султанов с отличнейшими умственными способностями, ближайших потомков Абулхайровых (хана Абулхайра. — *Г.К.*) следовало, по словам главы российского внешнеполитического ведомства, пригласить «переехать

---

¹ В начале декабря 1820 г. Оренбургская пограничная комиссия, одно из ведомств российского министерства иностранных дел, отвечавшее за сношения с правителями Степного края, получила «обращение хана Ширгазы об отправке его сына Султана Идигу с товарищами в Сеитову слободу к мулле Абдурахману Магомету Шарипову» (см.: ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Ед. хр. 2357. Л. 1.). В дальнейшем же сообщения о просьбах и приеме на учебу к этому мулле становились едва ли не постоянными (см.: Там же. Л. 10–11, 38, 54).

16 мая 1822 г. оренбургский генерал-губернатор П.К. Эсен сообщил главе российского внешнеполитического ведомства графу К.В. Нессельроде, что за «похвальное усердие» мулле А.М. Шарипова необходимо освободить от государственных податей и возвести в тарханное достоинство (см.: Там же. Л. 63–64).

из кочевий... и посвятить себя на несколько лет изучению необходимых для них сведений». В списке предлагавшихся им дисциплин в первую очередь указывались те, которые можно было изучить только в мусульманском учебном заведении – языки татарский, арабский и алкоран (Коран. – Г.К.). При этом К.В. Нессельроде подчеркивал, что «они обязаны также выучиться языку Российскому с возможным успехом, а равно и другим полезным знаниям». Привлечь к этому молодых султанов оренбургскому губернатору следовало, используя вес муллы Сеитова Посада, который должен был «склонить» их к продолжению «общего образования, отнюдь не чуждаясь и языку Российскому». Местом же их «воспитания» определялся Оренбург или слобода Сеитовская, сообразно условиям¹.

Завоевание Средней Азии меняло ту роль, которую оренбургские мусульмане играли в российской политике. При прямом российском управлении вновь присоединенными территориями, частью которых становилась и казахская Степь, отпала необходимость в опоре на татарских мулл и купцов в ранее используемых для реализации имперских начинаний. Более того, активное государственное освоение пространства нынешней Центральной Азии (включая развитие русского/славянского переселенческого движения, создание инфраструктуры и строительство новых городов) меняло и роль Оренбурга.

Введением в 1876 г. ветки Оренбург–Самара завершилось строительство железной дороги из Ташкента до Волги; спустя четыре года был построен мост через Волгу, и Ташкент оказался соединенным прямым железнодорожным сообщением с Москвой. Блестящему будущему

---

¹ ГАОО. Л. 87–90.

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

му Оренбурга как «значительному торговому городу», по словам современника событий, был нанесен сокрушительный удар – благодаря новому виду транспорта среднеазиатские купцы получили возможность прибывать в Москву и на Нижегородскую ярмарку, чтобы «на месте закупать произведения русской мануфактурной промышленности». В свою очередь, Транссибирская магистраль (прошедшая на своем участке от Уфы до Самары через Бугуруслан) оставила Оренбург в стороне от великого европейско-азиатского пути, лишив город его значения как посредника в торговле между Азией и Европой¹.

Соединившая Ташкент и Москву (и проходившая через Оренбург) железная дорога меняла функциональное назначение города. Оренбург становился центром торговли зерном, лесом, горнорудным сырьем, произведенными на территории губернии и прилегающих к ней районов, экономически тяготевших к городу. Новая ситуация активизировала развитие местного предпринимательства, связанного с производством сельскохозяйственной продукции и добычей природных ископаемых. Частью губернской бизнес-элиты выступало и татарское купечество, перенося свое внимание на местный рынок, активно внедряясь в инородческую, башкиро-казахскую среду региона, где оно продолжало использовать прежние преимущества – язык и религию, оставляя своим русским коллегам в качестве клиентуры русское/славянское население губернии. Обе предпринимательские группы взаимодополняли друг друга, оставаясь автономными даже тогда, когда татарская буржуазия проникала в новые для нее сферы приложения капиталов.

---

¹ Столянский П.Н. Указ. соч. С. 57.

Мечеть «Хусаиния» –
часть комплекса одноименного медресе в Оренбурге

В 1870-х годах в предпринимательский класс Оренбурга и губернии вошли уроженцы губернии, долгие годы жившие также и в Орске, Шакир и Закир Рамиевы (З. Рамиев был выдающимся поэтом, писавшим под псевдонимом «Дердменд» – «Опечаленный»), а также «миллионщики» – Ахмед, Махмуд и Гани Хусаиновы.

Братьям Рамиевым принадлежали золотые прииски, располагавшиеся на востоке современной Оренбургской области, в зоне башки-

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

ро-казахских этнических контактов, где «в 1890 г. ... была построена первая фабрика Суундукско-Орской компании, послужившая толчком для развития золотопромышленного дела». По сообщению специалиста в области золотодобычи того времени, прииски Рамиевых были самым современным предприятием, где «дело поставлено на широкую ногу»¹.

Братья Хусаиновы, выходцы из Сеитова Посада, по словам Галимзяна Ибрагимова, писателя и деятеля левого крыла татарского национального движения, — «короли татарского торгового капитала»². Они были порождены пореформенной Россией, взойдя на вершину предпринимательства после бедности и лишений в детстве и юности. Старший из них, Ахмед, начал свою карьеру с занятия «мелочной торговлей... в казахских степях»; его «старание и предприимчивость», как и «простота казахского народа»³, помогли ему обрести миллионы. Хусаиновы превратились в поставщиков продуктов скотоводства в Казань, Москву, Берлин и Царство Польское⁴.

Однако принципиальнее другое обстоятельство — в 1889 г. Ахмед Хусаинов основал одно из наиболее значимых в пределах губернии (да и всей территории татарского «рассеяния», как и обитания башкир и казахов) учебное заведение — медресе «Хусаиния». Это был крупнейший центр *джадидского* обновленчества, скорее, высшая школа, активно внедрявшая в процесс обучения технические дисциплины

¹ Павловский В.К. Оренбургская золотопромышленность за 100 лет, правовые отношения к ней Оренбургского казачьего войска и современное состояние золотопромышленности вообще. — Екатеринбург, 1905. С. 17–19.

² Ибрагимов Г. Указ соч. С. 14.

³ Фахретдин Риззатдин ибн. Указ. соч. С. 12.

⁴ Сайфи Ф. Татары до Февральской революции. — Казань, 1930. С. 20.

лины, право, бухгалтерию, психологию, русский и европейские языки и российскую историю (разумеется, читавшиеся на татарском языке, как и история татар или традиционные мусульманские науки), что давало возможность заканчивавшим «Хусаинию» поступать в высшие учебные заведения России, османской Турции и Западной Европы. В ее преподавательском корпусе был собран цвет тюрко-мусульманской интеллектуальной мысли тех лет.

Ограничивая прием в свои стены выходцам из татарской и тюрко-мусульманской среды России (с 1889 по 1921 г. в ней прошли обучение не менее 2050 студентов-*шакирдов*, многие из которых вошли впоследствии в элиту татарской и тюрко-мусульманской интеллигенции России), «Хусаиния» не была, тем не менее, центром подготовки религиозных деятелей. Собственно религиозное отделение, как отмечала оренбургский краевед М.Ф. Рахимкулова, существовало в этом медресе только в 1908/1909 учебном году, и его временное введение было связано с необходимостью избежать правительственных репрессий, обрушившихся на татарские учебные заведения после революционных событий 1905–1907 гг.¹ Но вместе с тем само джадидское обновленчество (в эволюции которого роль Оренбурга была, несомненно, огромна) обладало важнейшим маркером своей эволюции в направлении созидания национальной жизни. Этим маркером была религия – ислам, проводивший естественную грань между тюркоязычными этническими группами губернии (и всего пространства Поволжья и Урала) и их русскими и православными соотечественниками. Использувавший-

---

¹ Здесь и далее сведения о медресе Хусаиния приводятся по: *Рахимкулова М. Ф.* Медресе «Хусаиния» в Оренбурге. – Оренбург, 1997. С. 1–39.

ся *джадидами* единый для этих групп этноним «мусульмане» (имевший хождение и в первые годы советской власти) лишь доказывал это.

В свою очередь, благодаря усилиям братьев Рамиевых в Оренбурге стали выходить наиболее значимые тюрко-мусульманские издания предреволюционной эпохи – журнал «Шура» («Совет»), редактором которого был Р. Фахретдинов, и газета «Вақыт» («Время»), распространявшиеся среди всей читающей татарской (тюркоязычной и мусульманской) публики России. Здесь работала самая современная для своего времени национальная типография Фатыха Каримова (выпускавшая и первые печатные казахские книги); прилагались усилия к созданию профессионального национального театра; расширялась сеть национальных школ, включая и учебные заведения для девочек; развивалась система религиозной благотворительности.

В канун революционных событий в России оренбургское татаро-мусульманское сообщество (стремившееся активно вовлекать в сферу своего влияния и выходцев из башкирской и казахской этнических групп) выглядело как сложный и многогранный социальный организм. Оно наращивало свой костяк – относительно мощное предпринимательство и тесно связанный с ним национальный образованный класс¹, но было лишено возможности участия в каких-либо институтах государственной власти губернского масштаба.

Татары (особенно выходцы из башкирской и казахской этнической среды) были слабо представлены в органах власти губернии и гу-

---

¹ Как отмечал Г. Ибрагимов, татарские богачи были по своим взглядам западниками. Они устанавливали связь с либерально-буржуазными писателями. И далее: «И те, и другие были авангардом, пионерами нового движения, одной и той же исторической силой (см.: *Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 16*).

бернского центра¹, что предполагало незначительные возможности защиты собственных интересов. В начале 1912 г. «Вақыт» подчеркивала: «Сущность наших целей несложна: мы желаем вместе со всем русским населением счастья нашего Отечества, величия и славы России... Что касается специально положения нас, мусульман, то нужд и желаний у нас очень много: материнский язык, национальная литература, национальные школы, доступ мусульман на все государственные должности, полная свобода в приобретении собственности, в торговле, в образовании и воспитании... обеспечение существования нашего духовенства, пропорциональное пользование государственными суммами на образование, принятие в судах местного языка». И далее: «Если не будет равноправия, слова “свобода” и “конституция” останутся для нас бессмысленными звуками»².

Это была ситуация, характерная для этнических меньшинств, вынужденных защищать среду собственной культуры, а также экономические позиции³, завоеванные выходцами

¹ В конце 1890-х годов татарское представительство в учреждениях, создававшихся в губернском центре, насчитывало шесть мусульман среди 51 гласного городской думы и одного депутата Оренбургского мещанского общества. В губернских же органах власти присутствие татар было еще менее значительным – делегат от Магометанского духовного собрания в Губернское статистическое управление (см.: *Косач Г.Г.* Город на стыке двух континентов. С. 59–60).

² «Вақыт», 1912. № 999. – Цит. по: Мир ислама. – СПб, 1912. № 4. С. 626–627.

³ Типично заявление той же «Вақыт»: «Кто старается о том, чтобы не прекратило своего существования какое-нибудь мусульманское общество или мектеб, тот должен также иметь стремление во имя общего блага к тому, чтобы не закрылась какая-нибудь мусульманская лавка или чтобы не обанкротилась какая-нибудь мусульманская фирма. Если мусульманских фирм будет много, то в них найдется много мест для мусульманских рабочих» (см.: «Вақыт», 1913. № 1175; цит. по: *Ямаева Л.А.* Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. – Уфа, 2002. С. 103.

из их рядов. В свою очередь, эта ситуация порождала и соответствующие задачи практического действия, выдвигавшиеся (с различными нюансами в зависимости от того или иного политического направления) всеми действовавшими в Оренбурге отделениями общемусульманских партий и движений, в которых татары играли чаще всего ведущую роль. Эти задачи стояли в повестке дня общероссийских съездов мусульман, созывавшихся в 1905–1914 гг., непременными участниками которых были представители мусульман Оренбурга, а также составляли смысл деятельности мусульманской фракции Государственной думы России различных созывов, в рядах которой были и выходцы из Оренбургской губернии¹. В интересах адекватного (с точки зрения татарского мусульманского сообщества) решения этой задачи в феврале 1917 г. была выдвинута идея создания штата Идель-Урал (который должен был включить всю территорию Оренбургской губернии) в качестве противовеса централизованному государству, обеспечивавшему политическое господство православных русских. Но реальностью поставленные цели не стали ни после февраля, ни после октября 1917 г.

Реальным не стало и единство начинаний тюрко-мусульманских элит на основе татарской гегемонии. Стремление татар сохранить Оренбургское магометанское духовное собрание (в его, тем не менее, трансформированной форме национального учреждения) определялось видением конструкции того национального сообщества, которое предполагали создать их ведущие идеологи и которое должно

---

¹ См.: Ямаева Л.А. Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. // Сб. документов и мат-лов. – Уфа, 1998, а также: Косач Г.Г. Город на стыке двух континентов... С. 56–57.

было стать мусульманским или тюрко-татарским. Тогда бы Собрание играло бы роль одного из инструментов объединения тюрко-мусульманских этносов Урала и Поволжья¹. Однако это стремление столкнулось с резкой оппозицией со стороны башкир. В июле–декабре 1917 г. в Оренбурге прошли инициированные А.-З. Валиди (Валидовым) три общешкирских *курултая* – съезда, избравшие «Шуро» – Башкирский областной совет, выступивший в качестве органа национального самоуправления на той части территории, которая должна была войти в состав штата Идель-Урал. На съездах были определены границы башкирской автономии, а также приняты документы, связанные с ее институтами, в том числе с созданием собственного Духовного управления². Наконец, в июле 1917 г. в Оренбурге состоялся I Всекиргизский съезд, на котором рассматривался вопрос о создании областной автономии в пределах киргизских областей. На II Всекиргизском съезде, проведенном также в губернском центре в декабре 1917 г., были обозначены границы этих областей и провозглашено о создании казахской автономии Алаш-Орды³. Но и алаш-ордынские национальные деятели, как и башкирские «автономисты», настаивали на том, что у киргизов должен быть отдельный муфтий.

В 1919 г. после кровопролитных боев с армией А.В. Колчака и формированиями атамана Оренбургского казачьего войска А.И. Дутова территория Оренбургской губернии была окончательно советизирована. Но еще в янва-

---

¹ Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. – Казань, 1997. С. 75–80.

² Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. С. 106–115.

³ Здесь и далее см. об этом: Косач Г.Г. Казахский «образованный класс» в Российской империи. С. 48–56.

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

ре 1918 г. в осажденном белыми войсками губернском центре было насильственно прекращено издание журнала «Шура» и газеты «Вақыт». Попытка же Ф. Каримова сблизиться с новыми властями, организовав на базе «Вақыт» выпуск газеты «Янги Вақыт» («Новое время»), была немедленно прекращена, хотя созданный ее редакцией исполнительный комитет рабочих и служащих и заявлял о необходимости поддержки газеты со стороны советского государства, поскольку она является «по своему направлению обслуживающей интересы класса трудящихся»¹. Тогда же была предпринята первая попытка разрушить медресе «Хусаиния», на месте которого возникли советские курсы для учащихся мусульман Оренбургской губернии². Чуть позже, в 1921 г. эти курсы были трансформированы в татарский, башкирский, казахский и восточный (для выходцев из Средней Азии) институты народного образования, ориентированные на разрушение единого пространства тюрко-мусульманской культуры и создание понятного массам языка, «очищенного от засорявших его религиозных арабо-персидских терминов»³.

В июне 1919 г. в Оренбурге после экспроприации становившегося «Дворцом труда» Караван-сарая была закрыта наиболее известная городская мечеть⁴. В 1930–1932 гг. закрылись и все остальные мусульманские храмы бывшего губернского центра⁵. Наконец, в 1934 г., когда пик наступления на ислам достиг в Советском Союзе наивысшей точки, были закрыты все семь мечетей ставшего Татарской Каргадой Сеитова Посада. На территории вновь соз-

¹ ЦДННАО. Ф. 418. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 1–2.

² ЦДННАО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 243–246.

³ ГАОО. Ф. 450. Оп. 1. Ед. хр. 1025. Л. 80.

⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 2.

⁵ Денисов Д.Н. Указ. соч. С. 53–70.

данной Оренбургской области более не существовало ни одного действующего мусульманского храма (что в такой же мере относилось и к культовым зданиям всех остальных религиозных конфессий). Согласно официальным документам 1937 г., комплекс Караван-сарая заняло танковое училище, в одном из зданий мечети Оренбурга расквартировалась воинская часть, в двух других мечетях была произведена перепланировка, и они стали жилыми домами, еще в одной было устроено общежитие швейной фабрики, а в оставшихся двух расположились детский приемник и овощехранилище¹. В мечетях бывшего Сеитова Посада разместились, соответственно, школы, два клуба, столовая и зернохранилища². Мечети районных центров и сел области постигла та же судьба.

Религиозная жизнь в области (как и во всей стране), в том числе и в ее мусульманской среде, была официально возобновлена, но в крайне урезанной форме, только к середине 1940-х годов. В начале февраля 1945 г. исполком областного совета депутатов трудящихся принял решение об открытии в Оренбурге (в то время — Чкалове. — Г.К.) мечети на Сенной площади (исторически III соборная мечеть, ныне Центральная соборная мечеть, расположенная по ее нынешнему адресу — ул. В. Терешковой, 10а). В начале апреля того же года в городе была зарегистрирована община мусульман и ее исполнительные органы³. В 1945—1947 гг. мусульманские общины были зарегистрированы также в городе Соль-Илецке и в четырех татарских деревнях области — Татарской Каргале, центре Асекеевского района селе Асекеево и расположенном в том же районе селе Султангулово, а

---

¹ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 67.

² Там же. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 21.

³ Там же. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 194. Л. 17—25.

также в деревне Новомусино Шарлыкского района¹. Новая ситуация позволила создать в областном центре *мухтасибат* (возглавленный имамом Оренбургской мечети), административно подчиненный (в то время) уфимскому наследнику Оренбургского магометанского духовного собрания духовному управлению мусульман Европейской части СССР.

Возобновление таких форм религиозной жизни мусульман вовсе не означало, что власти области стремились к проведению вновь инициированного «либерального» курса в отношениях государства с конфессиями. Напротив, они последовательно отказывали в открытии мечетей (как и культовых зданий иных религиозных вероисповеданий), что заранее исключало возможность регистрации общин верующих. В списке тех мест, где эта регистрация исключалась, в течение длительного времени значились города и районные центры (уже в 1949 г. под предлогом отсутствия мечети была отменена регистрация мусульманских общин Соль-Илецка и Новомусина). Хотя в Асекееве в 1947 г. и была построена мечеть, в ноябре 1948 г. ее здание было передано районной библиотеке², а местной общине также отказали в регистрации. Даже в Оренбурге здание, где вновь была открыта мечеть, не было передано верующим полностью, — по крайней мере, вплоть до 1957 г. на его первом этаже располагалось овощехранилище³.

¹ Там же. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 10.

² ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 189. Л. 2–4.

³ 24 сентября 1957 г. в Москве, в Совете по делам религиозных культов были приняты имам оренбургской мечети и глава областного мухтасибата Г. Муртазин, сообщивший беседовавшему с ним инспектору Совета, что «единственная официально действующая мечеть в городе не удовлетворяет потребности верующих». В связи с этим они намерены обратиться с просьбой открыть вторую мечеть. Тем не менее, сам имам, конечно же, обоснованно считал, что, поскольку все здания действовавших в про-

Начиная с конца 1960-х годов и в течение всего периода 1970-х – второй половины 1980-х годов в границах Оренбургской области относительно стабильно действовали только пять официально зарегистрированных мусульманских общин: две в городах – Оренбурге и с 1969 г. в Бугуруслане и три в селах – Татарской Каргале, Старогульшарипове (Асекеевский район) и Бакаеве (Северный район). По официальным данным, мечеть Татарской Каргалы регулярно посещали 300 верующих мужчин, а мечеть Старогульшарипова – от 100 до 120 верующих¹. Согласно официальным данным, в течение всего времени с 1950-х до 1980-х годов на пятничной молитве в оренбургской мечети присутствовали от 200 до 300 мужчин, а в дни основных праздников ислама (уразы-байрама и курбан-байрама) число молящихся колебалось от 2500 до 4000 человек².

Отказы в открытии мечетей и регистрации религиозных общин ни в коей мере не препятствовали созданию объединений верующих, действовавших (вплоть до начала 1990-х годов)

шлом мечетей заняты культурно-просветительскими организациями (в мечети Караван-сарая, например, располагался в то время планетарий. – Г.К.), то нецелесообразно поднимать вопрос об открытии второй мечети. По его мнению, речь могла идти только об освобождении нижнего этажа мечети, чтобы дать возможность мусульманам использовать его для молитвенных целей. В любом случае, отмечал Г. Муртазин, расположенное на этом этаже овощехранилище действует на мусульман отрицательно, поскольку мечеть законодательствующая (см.: запись приема инспектором Совета по делам религиозных культов Тагировым К.Ф. имама мечети в городе Чкалове мухтасиба Габдул-Газиза Муртазина, 24 сентября 1957. – М.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. р6991. Оп. 4. Д. 75. Л. 155).

¹ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 280. Л. 1–7.

² ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 91.

Даже в крайне неудобный для проведения уразы-байрама день 12 августа 1980 г., когда значительная часть трудоспособного мужского населения областного центра была мобилизована на уборку урожая, на молитве в оренбургской мечети присутствовали более 1300 человек (см.: Там же).

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

без признания их властями. Это ситуация была характерна прежде всего для татарского населения области и лишь в некоторой степени для местных башкир и казахов (в местах обитания которых отсутствовали, тем не менее, официально функционировавшие религиозные объединения). В 1951 г. на территории области незарегистрированные мусульманские общины существовали, по крайней мере, в центрах районов западной и центральной зон — селах Абдулино, Акбулак и Асекеево, а также в Бугуруслане, Бузулуке и Орске. Число этих общин составляло не менее 14, а в их деятельности принимали участие более 12 000 человек¹.

В 1980 г. помимо пяти зарегистрированных мусульманских объединений в различных районах области действовало уже 25 нелегальных². Более того, как подчеркивали областные власти, неофициальные религиозные группы имелись везде, где есть мусульмане, в области появились бродячие муллы, а молитвенные собрания проводились в частных домах. Там же организовывались женские группы верующих, совершался обряд обрезания, а порой и свадебные и похоронные обряды³. Наконец, в 1968—1969 гг. власти области столкнулись с беспрецедентными обращениями двух татар, жителей Оренбурга, и казаха, работника совхоза «Ташлинский» (в Ташлинском районе — одном из районов западной зоны, прилегающем к казахстанской границе, где численность казахского населения составляет около 7% при 72% русских и 6,8% украинцев) с просьбами о получении разрешения на совершение паломничества в Мекку⁴.

---

¹ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 53.

² Там же. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 228. Л. 136.

³ Там же. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 294. Л. 4 и 59.

⁴ Там же. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 17.

Тлевшая (в силу того, что она едва ли не в полной мере зависела от произвола властей), но ни в коей мере не собиравшаяся умирать мусульманская община на территории Оренбургской области имела своих активистов. Так, в 1953 г. членами исполнительных органов оренбургской мечети были участники Великой Отечественной войны, люди в возрасте от 66 до 69 лет. Двое из них называли себя малоквалифицированными рабочими (грузчик и строитель), но получившими образование в дореволюционных мектебах. Третий же закончил одно из оренбургских дореволюционных медресе, до 1917 г. учительствовал в одном из мектебов города, после же 1917 г. был «сторожем мечети», а затем — рабочим артели инвалидов. Все трое были выходцами из татарского этнического сообщества¹.

Точно так же в составе исполнительных органов первых мечетей на территории области, возникавших в 1940-е — 1950-е годы (в Соль-Илецке, Татарской Каргале, Новомусине и Старогульшарипове), были пожилые люди, имевшие награды участников Великой Отечественной войны. Всех их объединяло крестьянское происхождение, хотя некоторые из них позже стали, по советской терминологии, рабочими — сборщиками утильсырья, плотниками и др., однако ко времени открытия мечетей или регистрации общин все они уже были пенсионерами. Как и в Оренбурге, члены этих исполнительных органов были татарами (за исключением одного из инициаторов создания соль-илецкой мечети — казаха) и получили начальное или среднее образование в дореволюционных мектебах и медресе².

---

¹ Там же. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 6–10.

² ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 6–10.

Муллы мечети Оренбурга (как, разумеется, и мусульманских храмов области) были во многом похожи на членов исполнительных органов мечетей. Если сведения о первом имам-хатыбе этой мечети З. Рахимкулове скудны — известно лишь, что он родился в 1881 г.¹, то о его преемниках — более пространно.

Ставший имам-хатыбом Оренбургской мечети в 1953 г. Х. Латыпов и сменивший его на этом посту в 1956 г. Г. Муртазин² родились, соответственно, в 1889 и 1885 г. Оба — выходцы из крестьянских семей, как и З. Рахманкулов — татары. Х. Латыпов — уроженец Казанской губернии, Г. Муртазин — Оренбургской. Оба — выпускники дореволюционных медресе, до 1934 г. были имам-хатыбами и мударрисами в селах, соответственно, татарской автономии и Оренбургской губернии. Затем Х. Латыпов вступил в колхоз родного села, а позже переехал в Ульяновск, где стал завхозом артели. Г. Муртазин работал каменщиком, а после — колхозным пчеловодом. После окончания войны оба вернулись на стезю религии: Х. Латыпов в 1946 г. стал муллой мечети в Ульяновске, Г. Муртазин — в 1954 г. муллой в Ростове-на-Дону.

И тот, и другой, как и члены исполнительных органов Оренбургской мечети и мечетей на территории области, были носителями национально-религиозной традиции. Но эта традиция была далека от высокого ислама, огрублена и приближена к тому пониманию религии, которое существовало в среде их паствы. Но, кроме того, эта традиция была «приспособлена» к условиям советской жизни.

¹ Там же. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 191–192.

² Здесь и далее см.: Там же. Ф. 617. Оп. 1. Ед. хр. 228. Л. 142.

ГЛАВА 4

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТЬ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ: ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ, ВЛАСТЬ И ИСЛАМ

Период с конца 1980-х — начала 1990-х годов стал временем формирования первых оренбургских национальных объединений тюрко-мусульманских этнических групп (но в равной мере это относилось и к другим этническим сообществам). В июле 1989 г. состоялись учредительные конференции башкирского областного центра (ныне областного курултая башкир) «Караван-сарай» и татарского центра «Туган тел» («Родная речь»), сферой деятельности которого провозглашался город Оренбург¹. Месяцем раньше было создано казахское областное культурно-просветительское общества «Казах тиле» («Казахская речь»). Наконец, в июне 1991 г. прошла учредительная конфе-

---

¹ Самостоятельная деятельность этого центра (организационно не входившего в ООТОЦ) определялась идеей сохранения Оренбурга в качестве центра татарской культуры, «развития и укрепления этой исторической традиции» (см.: *Шакиров З.* Оренбургскому татарскому обществу на 10 лет // Жизнь национальностей Оренбурга. Инфор. вестник, 1999. № 1. С. 36.

ренция Оренбургского областного Татарского общественного центра (ООТОЦ)¹.

На создание оренбургских национальных центров и обществ тюрко-мусульманских этнических групп, разумеется, оказывали влияние события, происходившие в соседних национально-территориальных образованиях, а также обретение Казахстаном независимости². В заявлении ООТОЦ говорилось, что в своей деятельности он «руководствуется... платформой и уставом Всетатарского общественного центра»³. В уставе общества «Караван-сарай»⁴ подчеркивалось, что оно является коллективным членом Башкирского народного центра

¹ Здесь и далее см. об этом более подробно: *Косач Г.Г.* Российский регион в постсоветское время: тюрко-мусульманские меньшинства Оренбургской области // Вестник Евразии, 1999. № 1/2. С. 169–193.

² Говоря об этом, одна из ведущих сотрудниц оренбургской областной администрации того времени В.П. Торукало подчеркивала: «Процессы, происходящие в соседних республиках – Башкортостане, Татарстане, Казахстане, активная деятельность национальных партий и движений, высказывания их лидеров о пересмотре существующих границ влияют на общественно-политическую обстановку и морально-психологический климат в области» (см.: *Торукало В.П.* Национальные проблемы народов Оренбуржья: пути их разрешения // Национальные проблемы народов Оренбуржья: история, современность. Материалы науч.-практ. конф. – Оренбург, 1993. С. 13.

³ Устав Оренбургского областного Татарского общественного центра // Яна вакыт, 1993. № 1.

⁴ Выбор этого названия не был случайным. Башкирские национальные активисты в Оренбургской области, как и в Башкортостане, всегда поддерживали миф о том, что комплекс «Караван-сарай», строившийся в 1838–1844 гг. для нужд башкиро-мещеряцкого войска, был сооружен на средства, собиравшиеся в зоне расселения башкир (в то время едва ли не исключительно в пределах Оренбургской губернии), является памятником «башкирской материальной культуры». Подтверждением этого было также и то, что в феврале 1918 г. народным комиссаром по национальным делам И.В. Сталиным был подписан декрет о передаче этого комплекса «башкирскому народу».

«Урал», руководствуется его программой и уставом¹. Связь между созданием собственного общества и тем, что в Казахстане стали повсеместно создаваться общества «Казах тиле», признавали и казахские активисты возрожденческого движения². Тем не менее уже в первые годы деятельности обществ оренбургских тюрко-мусульманских меньшинств стало ясно, что обе автономии Поволжско-Уральского региона не располагают финансово-экономическими возможностями для оказания помощи собственной диаспоре³, а политические соображения, имевшие особый смысл для Казахстана с его русскоязычным населением и казачьими движениями⁴, исключали даже идею предоставления этой помощи Казахстаном.

Все же это обстоятельство не являлось определяющим для деятельности национальных объединений тюрко-мусульманских меньшинств, — в момент своего создания они стремились стать выразителями интересов коренных народов самой Оренбургской области. Решение этой задачи требовало специфической интерпретации роли (в первую очередь) Оренбурга, а по сути дела «национализации» его исторического прошлого (включающего и его исламскую составляющую), что является гордостью для местных тюрко-мусульманских обществ.

Для «Туган тел» и ООТОЦ прошлое города — это история становления важнейшего цен-

---

¹ Устав Оренбургского областного башкирского центра «Караван-сарай». — Оренбург, 1993. С. 1.

² Тасмурзин М.Б. Проблемы возрождения языка, культуры, обычаев, традиций казахов Малого жуза, заселяющих Оренбуржье // Айкап, 1993. № 19.

³ Узбеков И. Диаспора и республика: проблемы взаимодействия // Жизнь национальностей Оренбуржья. Информ. вестник, 1996. № 2. С. 19.

⁴ Тасмурзин М.Б. Указ. произв.

тра татарской национальной культуры¹. Такое мнение подкреплялось ссылками на медресе «Хусаинийя»; на внушительный список предпринимателей, политиков и деятелей татарской культуры, живших или бывавших в Оренбурге или губернии, а также национальных изданий («Шура» и «Вақыт» в этом списке, конечно же, лидировали) и учебных заведений дореволюционного времени. Все эти факты и имена должны были подтвердить, что выходцы из Оренбурга (и губернии) оказали огромное воздействие и на формирование советской татарской государственности и, в конечном итоге, на обретение Татарстаном его суверенного статуса. Особое место в этом списке отводилось уроженцу Оренбургской области осененному славой героя Великой Отечественной войны советскому татарскому поэту Мусе Джалилю, подвиг которого «является достоянием не только татарского народа... а наследием всех россиян и... в первую очередь – оренбуржцев»².

ООТОЦ требовал, чтобы улицы и площади Оренбурга, других городов и сел области были названы в честь представителей татарско-мусульманской культуры и увековечивались памятниками и мемориальными досками на зданиях. Важная роль отводилась восстановлению или реставрации мечетей и медресе («Хусаинийя» была первой среди них). В таком направлении должна была действовать «национально

¹ См. об этом более подробно: *Косач Г.Г.* Татары Оренбургской области: между диаспорой и автохтонностью // *Диаспоры*, 2005. № 2. С. 96–130.

² Выступление сопредседателя ООТОЦ И. Г. Узбекиова на открытии в Оренбурге памятника М. Джалилю // *Яна вақыт*, 1996. № 6.

Установленный в 1996 г. в историческом центре Оренбурга памятник М. Джалилю является сегодня единственным произведением скульптурного искусства, запечатлевшим в областном центре одного из представителей культур местных тюрко-мусульманских меньшинств.

ориентированная личность», формирование которой осуществлялось бы с помощью теле- и радиопередач на татарском языке, организуемых областным вещанием и транслируемых из Татарстана, а также посредством национальной прессы, регулярно проводимых праздников сабантуя, выступлениями татарских творческих коллективов. ООТОЦ и «Туган тел» стремились добиться восстановления татарского факультета в Оренбургском пединституте (ныне Оренбургский государственный педагогический университет. — Г.К.), открытия татарских школ, классов, кружков, детских садов (с их непременным компонентом мусульманского воспитания), создания татарского театра¹.

Памятник советскому татарскому поэту,
Герою Советского Союза Мусе Джалилю
в историческом центре Оренбурга

¹ См.: Устав Оренбургского областного татарского общественного центра, а также Устав Оренбургского городского татарского общественного центра «Туган тел».

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

Иные национальные общества действовали аналогично — они в равной мере пытались «национализировать» прошлое Оренбурга. Для башкирских национальных активистов центр Оренбургской губернии был «не только административным, но и культурным и просветительским центром». В нем «издавались башкирские газеты и журналы (в первую очередь все те же «Шура» и «Вақыт». — Г.К.) на старотюркском литературном языке, действовали учебные заведения (как и у татар, «Хусаиния» называлась первой среди них. — Г.К.)»¹. В дальнейшем же Оренбург сыграл «важную роль в становлении советской государственности Башкирии». Наконец, эти активисты ставили вопрос и о возвращении Караван-сарая (рассматривавшегося также в качестве центра национальной духовной жизни. — Г.К.) его законному хозяину и, как показала третья отчетно-выборная конференция областного общества/курултая башкир², состоявшаяся в марте 1993 г. в «Караван-сарая», восстановления в области института «башкирских вотчинных земель», а для защиты этой национальной собственности — возрождения Оренбургского башкирского казачьего войска³.

Сходная оценка Оренбургу давалась и казахскими национальными активистами: в этом городе появилась первая школа⁴ для казахских

¹ Здесь и далее см.: Устав Оренбургского областного башкирского центра «Караван-сарай». С. 1–2.

² См.: Сведения о национально-культурных общественных объединениях и институтах Оренбургской области на 01.01.07 г. на сайте Министерства информационной политики, общественных и внешних связей Оренбургской области — <http://www.mininform.orb.ru>.

³ Материалы этой конференции см. в: Караван-сарай, Оренбург, март 1993.

⁴ Речь шла о созданной в губернском центре в 1850 г. и просуществовавшей до 1869 г. семилетней общеобразовательной школе при Оренбургской приграничной комиссии для детей казахской «черной кости». В ней готовили

детей, здесь жили, учились и творили выдающиеся деятели национальной культуры и общественно-политической жизни... в городе и губернии издавались казахские газеты»¹. Точно так же Казахстан оформил свою государственность в Оренбурге².

Внимание к религиозному наследию было одним из приоритетных направлений в деятельности всех национальных объединений тюрко-мусульманских меньшинств. Сотрудничество с активистами мусульманской мечети выглядело в документах этих объединений едва ли не как императив, поскольку, как в них подчеркивалось, по мере укрепления взаимодействия с религиозными деятелями в интересах пропаганды мусульманской культуры и традиции³ станет возможным нравственное воспитание населения в духе милосердия, заботы о старших и детях, добросовестного труда, уважения и выполнения законов государства⁴.

Национальные объединения и центры тюрко-мусульманских этнических сообществ вос-

---

знающих русский язык письмоводителей и гражданских чиновников для работы в низшем звене аппарата управления казахским Степным краем. Одним из выпускников этой школы был будущий казахский просветитель Ибрай Алтынсарин (см., в частности: *Косач Г.Г.* Казахский «образованный класс» в Российской империи. С. 28 и 33–39).

¹ В списке этих дореволюционных газет присутствовал не только журнал «Айкап» («Зеркало») (ныне так называется издаваемая в Оренбурге казахская газета), издание которого было инициировано в 1911 г. в центре Троицкого уезда Оренбургской губернии г. Троицке (ныне в составе Челябинской области), но и оренбургские издания «Шура» и «Вақыт». Кроме того, для казахских национальных активистов было принципиально важно подчеркнуть, что в существовавшей до революции в Оренбурге типографии Ф. Каримова издавались и первые казахские книги.

² *Тасмурзин М.Б.* Указ. соч.

³ Устав Оренбургского областного башкирского центра «Караван-сарай». С. 3; Устав ООТОЦ.

⁴ Устав Оренбургского областного культурно-просветительского общества «Казах тиле». — Оренбург, 1991. С. 2.

Косач Г.Г. Ислам в Оренбургской области

принимали ислам как естественный инструмент их легитимации — в конце концов, само историческое прошлое этих сообществ в Оренбурге и в пределах подчиненного ему губернского административного пространства было едва ли ни в первую очередь маркировано религией. Одновременно ислам был орудием сплочения тех этнических сообществ, которые, как утверждали документы, они представляли, а выдвигавшиеся от их имени задачи стремились воплотить в жизнь. Акцент на конфессиональные различия между тюрко-мусульманскими меньшинствами и русским / славянским и православным / христианским большинством населения области мог и должен был способствовать осознанию этими меньшинствами и других различий (язык в этой связи назывался в первую очередь, за ним следовала культура и традиции), проводящих грань между ними и их соседями. Но национальные объединения обращались к исламу лишь в той степени, в какой эта религиозная доктрина была воспринята их этническими сообществами.

Если для татар, давно и глубоко исламизированных, наличие вероисповедной грани между ними и их русскими соседями являлось очевидным фактором кристаллизации национального сознания («в возрождении национальной культуры татар велика роль ислама, многих его традиций»¹, — подчеркивала одна из активисток ООТОЦ), то для двух других тюрко-мусульманских групп наличие такой грани прежде не всегда было столь ощутимо. Постсоветская эпоха вновь открывала реальную возможность действительной исламизации башкир и казахов.

---

¹ *Габдулгафарова И.М.* Сохраним дружбу. По итогам конференции Областного татарского общественного центра // Оренбуржье, 19 июля 1995. С. 4.

Религиозность казахов в досоветское время (не говоря уже о советском времени) проявлялась, если основываться на высказываниях национальных активистов этой этнической группы, лишь в поверхностном усвоении ими далеко не полного списка тех религиозных обрядов, которые связаны с важнейшими вехами в жизни человека — рождением и смертью, наречением имени и вступлением в брак. Как подчеркивал в этой связи один из прежних лидеров «Казах тиле», «... ислам всегда был в почете у казахов, а при похоронах был просто необходим»¹. Однако, продолжал он, люди старшего поколения, «владевшие правилами мусульманского погребения усопших и знающие соответствующие стихи из Корана для отпевания», уходят из жизни. Все чаще и чаще перед проходящими им на смену поколениями встает необходимость поиска муллы, который мог бы проводить в последний путь их родных и близких. Но мусульманские священники действуют при мечетях, которые расположены в городах и крупных населенных пунктах. Это означало лишь, что необходимо построить мечети в районах традиционного расселения оренбургских казахов и подготовить для них имамов, выходцев из тех же самых районов. В этом направлении стремилось действовать не только «Казах тиле», аналогичные намерения были отражены в уставах ООТОЦ и общества «Караван-сарай»: «... в содружестве с мухтасибатом (речь шла о времени, предшествовавшем преобразованию мухтасибата в муфтият. — Г.К.) содействовать подготовке кадров... для религиозных обществ и духовных общин»².

---

¹ Здесь и далее см.: Отчетный доклад правления Оренбургского областного культурно-просветительского общества «Казах тиле» (июнь 1990 — декабрь 1993 г.). — Айкап, 1994. № 2.

² Устав общества «Караван-сарай». С. 3; Устав ООТОЦ. Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

Однако и позже, уже в 2000-е годы (по крайней мере, это относится к казахскому обществу Оренбургской области), по словам имама Ясненского района, с его значительным казахским населением, ситуация религиозного возрождения едва ли менялась в лучшую сторону. Этот религиозный деятель подчеркивал: «У нас бытовой ислам. Мы живем тем, что осталось от дедов»¹. Цитируя эти слова, российские этнографы отмечали, что деятельность получивших религиозное образование имамхатыбов вновь создаваемых мечетей на территории области (да и иных российских регионов), где имеются казахские меньшинства, направленная на борьбу с традицией, вступающей в противоречие с шариатом, все еще далека от успешного завершения, хотя бы потому, что «исламское образование в казахской среде только начинает воссоздаваться, о богословах же пока говорить не приходится»².

Отношение к религии было частью общей стратегии обществ и центров, претендовавших на выражение интересов оренбургских тюркомусульманских меньшинств. Эта стратегия, обычно формулировавшаяся как возрождение деградировавшей в советскую эпоху «национальной жизни»³, требовала охвата всей тер-

¹ Цит. по: *Ларина Е., Наумова О.* «Ислам имамов» и традиционализм у казахов России // *Вестник Евразии*, 2007. № 3. С. 127.

² *Ларина Е., Наумова О.* «Ислам имамов» и традиционализм у казахов России. С. 135. О противостоянии ислама имамов и казахской народно-религиозной традиции см.: Там же. С. 126–135.

³ Эта «национальная жизнь» действительно подверглась ощутимой деградации. Уже в конце 1950-х годов ранее существовавшие в городах области, включая и Оренбург, татарские школы были закрыты. Через 10 лет началось активное наступление и на национальные (татарские, башкирские и казахские) сельские школы. Освоение целинных земель повлекло за собой ликвидацию национальных сельских советов в местах компактного рассе-

ритории области (с точки зрения ООТООЦ) или мест компактного проживания (когда речь шла о башкирах и казахах) жестко структурированной и подчиненной по вертикали руководству соответствующих национальных обществ сетью центров культуры, отделений, землячеств и союзов граждан того или иного этнического происхождения, создаваемых по месту их проживания. Все тюрко-мусульманские национальные общества требовали обеспечить «пропорциональное представительство», соответственно, татар, башкир и казахов в аппарате областных, городских и сельских административных учреждений. Выдвижение кандидатур на замещение должностей в этих учреждениях — речь шла, по сути дела, о введении национальных квот — должно было стать прерогативой того или иного национального общества¹.

ления представителей всех трех тюрко-мусульманских сообществ (как, впрочем, и других этнических групп), а также прекращение издания газет и радиовещания на национальных языках. Как отмечала татарский краевед Оренбурга М. Ф. Рахимкулова, «молодые жители татарских деревень, окончившие девять—одиннадцать классов, абсолютно не знают родного языка даже на низком уровне, не понимают и не выговаривают на родном языке самых простых слов... Татарские юноши и девушки спрашивают: «Кто такой Тукай?»» (см.: *Рахимкулова М. Ф.* Рэмиевлэр (Рамиевы). — Оренбург, 1995. С. 1.

В начале 1990-х годов об этом говорили даже представители областной администрации: «... почти забыты литературные языки многих народов, утрачены трудовые традиции, духовно-нравственные ценности, утрачена самобытная педагогическая культура» (см.: *Торукало В. П.* Указ. соч. С. 13.

¹ По словам одного из ведущих активистов татарского национального движения 1990-х годов, «вопрос о представительстве в органах исполнительной власти пока остается необсуждаемым и нерегулируемым. В области работы с кадрами руководствуются принципом — кадры подбираются не по национальному признаку, а по деловым качествам. Но забывается, что достоинства, профессионализм и национальное представительство не

Косач Г. Г. *Ислам в Оренбургской области*

Татарские национальные активисты были в этом отношении значительно более последовательны, чем их башкирские и казахские единомышленники, настаивая на создании в области двухпалатного органа законодательной власти, при этом одна из палат которого должна состоять из депутатов, делегируемых в нее национальными движениями. Аналогично должны были строиться и органы законодательной власти городского и районного масштабов. «Если, — подчеркивали эти активисты, — национальная политика должна выражать интересы наций и народов, значит, и вырабатывать такую политику должны нации и народы». В дальнейшем же оформленная в виде правовых актов эта политика должна была стать официальной программой исполнительной власти¹. По сути дела, речь шла (так же, как во многом и в дореволюционную эпоху) о расширении степени участия национальных объединений, претендовавших на выражение интересов своих сообществ, в принятии политического решения на региональном уровне.

В свою очередь, контекст прокламировавшейся тюрко-мусульманскими (при ведущей роли татарских движений) объединениями и центрами национальной политики включал в себя, и это выглядело естественно, и их активное воздействие, по сути национализацию, на религиозную жизнь их этнических групп. При этом религия в границах этого контекста должна играть роль едва ли не полностью подчи-

---

взаимоисключающие понятия» (см.: *Узбеков И.Г.* О некоторых проблемах национального самоопределения татар // Татары в Оренбургском крае. Науч.-практ. кон. — Оренбург, 1996. С. 16–18).

¹ *Губайдуллин С.Г.* Татары Оренбуржья: история и современность // Национальные проблемы народов Оренбуржья: история и современность. С. 27–28.

ненную иным компонентам национального существования.

Один из руководителей ООТОЦ, выступая в 2002 г., отмечал не только некорректность отнесения всех представителей тюркоязычных народов к мусульманам, т.е. к верующим, но и подчеркивал, что в отличие от «языка, менталитета и... культурно-составляющих в духовной структуре личности», религия не является «основным признаком национальной принадлежности человека». Хотя, говорил он, между конфессиональными и этническими отношениями существуют тесные связи, постановка знака равенства между ними невозможна. Взаимодействие татарских активистов и религиозных организаций необходимо ради решения, например, проблемы духовно-нравственного здоровья молодежи, но сферы их деятельности должны быть разграничены. По его словам, «национально-культурные центры, являясь светскими общественными структурами, призваны выражать интересы... всех проживающих на... территории (области. — Г.К.) представителей той или иной национальности, а религиозные организации — лишь ее верующей части»¹.

Время постсоветского развития знаменовало собой начало важных перемен и в развитии оренбургских мусульманских институтов. В середине 1994 г. на месте существовавшего ранее мухтасибата возникло Духовное управление мусульман Оренбургской области (Оренбургский муфтият), которое провозглашалось «региональным... объединением», включающим в свой состав мусульманские общины на

---

¹ *Узбеков И.Г.* О некоторых проблемах межэтнических и межконфессиональных отношений // *Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития. Материалы межрегиональной науч.-практ. конф.* — Оренбург, 2002. С. 199–200.

всей территории области. Канонически и административно Оренбургский муфтият входил в состав (в то время. — Г.К.) Центрального духовного управления мусульман России и Европейских стран СНГ (далее ЦДУМ) с центром в Уфе, которым руководил муфтий Талгат Таджуддин. Задачей муфтията, который возглавил бывший глава мухтасибата Абдул Барий Хайруллин, становилась реализация гражданами права на свободу исповедания ислама в рамках норм российской Конституции и вытекающих из нее законодательных актов¹.

Основная задача муфтията определяла и конкретные цели его деятельности. Речь шла о беспрепятственном проведении богослужений, религиозных обрядов и церемоний, организации паломничества в священные места мусульман, поощрении религиозной благотворительности и создания благотворительных заведений. Муфтият считал необходимым уча-

Центральная соборная мечеть Оренбурга,
исторически III соборная мечеть города

¹ Здесь и далее см.: Устав духовного управления мусульман Оренбургской области (Оренбургский муфтият) в составе Центрального духовного управления мусульман России и Европейских стран СНГ. — Оренбург, 1994. С. 1–4.

ствовать в основании и содержании мест богослужения, в первую очередь мечетей. Приоритетными направлениями деятельности вновь созданного областного Духовного управления провозглашалось обучение религиозному вероучению в специально созданных для этого школах и курсах для детей и взрослых, создание средних духовных учебных заведений для подготовки священнослужителей, производство, ввоз в область и распространение на ее территории религиозной литературы, периодических изданий и предметов культового назначения, а также учреждение предприятий полиграфического, издательского и реставрационно-строительного профиля.

Для возникновения Оренбургского муфтията были весомые обстоятельства, ведущую роль среди которых играл беспрецедентно быстрый рост числа мусульманских общин. Уже в 1990 г. на территории области были зарегистрированы 19 мусульманских объединений, число которых к 1994 г. достигло 58, а к концу 1997 г. — 78. Лишь Русская православная церковь (РПЦ) могла в этом отношении быть сравнена с мусульманами (34, 81, 111 религиозных объединений соответственно)¹. Тем не менее это сравнение не может восприниматься как адекватное, в том числе и потому, что православное население области в численном отношении значительно превосходит по численности всех проживающих в ее границах приверженцев ислама.

В 1996 г. мусульманские общины были владельцами или арендаторами 24 мечетей и 32 молитвенных домов, строительство еще шести

---

¹ См. об этом: *Рагузин В.Н.* Единство и взаимосвязь религиозных и национальных компонентов в демократическом переустройстве Оренбургской области как субъекте Российской Федерации // *Христианство и ислам на рубеже веков.* С. 29.

мечетей продолжалось¹. Наконец, по состоянию на 1 января 2006 г. в Оренбургской области действовали 133 религиозных мусульманских организаций и объединений², в распоряжении которых находилась 71 мечеть (в том числе, пять исторических мечетей Оренбурга — мечеть комплекса Караван-сарай, «Хусаиния», «Сулеймания», «Рамазан» и Центральная соборная мечеть)³. При этом становление мусульманских общин не было лишено своеобразия, включая его регионалистский и этнический аспекты.

Вновь создававшиеся мусульманские приходы возникали в первую очередь в исторически старых городах нынешней области с их устоявшимися вкраплениями татарского населения — Оренбурге, Орске, Бузулуке и Бугуруслане и, разумеется, в Татарской Каргале. Инициаторами их создания выступали местные отделения ООТОЦ (в Оренбурге «Туган тел»), а также, в определенной мере, общество / курултай башкир «Караван-сарай», призывавшее к изменению статуса одноименного оренбургского комплекса с входящей в него

¹ Бурматов В. О религиозной обстановке в Оренбургской области // Диалектика истории Оренбуржья. — Оренбург, 1994. С. 37.

² См.: список действующих религиозных организаций, церквей и молитвенных домов по Оренбургской области на 01.01.2006 г. на сайте Министерства информационной политики, общественных и внешних связей правительства Оренбургской области. <http://www.mininform.orb.ru>.

³ Подписание протокола о намерениях правительства Оренбургской области с Духовным управлением мусульман Оренбургской области, 7 июля 2006 г. Вместе с тем, по словам министра информационной политики, общественных и внешних связей правительства Оренбургской области С.Г. Горшенина, в январе 2007 г. в распоряжении оренбургских мусульман было 89 капитальных строений, используемых в качестве мечетей или молитвенных домов. См.: Горшенин С.В. Дорога к крепкой экономике идет через храм // Южный Урал, январь 2007. <http://www.mininform.orb.ru/books/papers/012007.html>.

мечетью. Так же как «Казах тиле», они настойчиво требовали возвращения верующим зданий бывших мусульманских храмов. Лишь затем этот процесс начинал распространяться и в сельской местности.

Если отталкиваться от официальных данных правительства Оренбургской области, то, по состоянию на 1 января 2006 г.¹, наибольшее число ныне действующих в этом регионе России мусульманских общин возникло в районах западной зоны с их значительным татарским населением, где их совокупная численность составила 51 общину. Однако количество общин в пределах каждого из районов этой зоны едва ли не самым непосредственным образом зависело от численности местного татарского населения. Их наибольшее число было зарегистрировано в Асекеевском районе (17 общин), а далее оно последовательно снижалось — 9 общин в Матвеевском районе, 5 — в Абдулинском и, наконец, 8 — в Северном. В свою очередь, в Первомайском районе, с его наиболее значительным на фоне остальных районов этой зоны казахским населением, было всего две мусульманских общины. В Красногвардейском районе, где проживало наибольшее число башкир, была зарегистрирована только одна община.

Ситуация в районах центральной зоны области характеризовалась собственной спецификой. Общее число всех зарегистрированных в районах этой зоны мусульманских общин составило 36. Среди районов этой зоны, конечно же, лидировали те, где была существенна доля татар: в Саракташском районе — 6 общин, в Шарлыкском — 4, в Сакмарском, где распо-

---

¹ Здесь и далее см.: Список действующих религиозных организаций, церквей и молитвенных домов по Оренбургской области на 01.01.2006 г.

ложена Татарская Каргала, – 3, и в Переволоцком – 2. В Тюльганском районе с относительно значительным башкирским населением в 2006 г. было зарегистрировано только две общины, а в двух районах этой зоны – Соль-Илецком и Акбулакском, где преобладало казахское население, по одной общине в каждом. Даже если учитывать относительно большое число мусульманских общин в Оренбургском и Беляевском районах (соответственно 5 и 3 общины), где также велика доля казахского населения, то, как следует из цитируемых официальных данных, эти общины возникли в исторически старых татарских селах, основанных еще в дореволюционную эпоху на пути миграции татар в пределы территории Оренбургской губернии. Но вместе с тем не приходится сомневаться в том, что эти общины стали и центрами вероисповедного притяжения для местных казахов.

Наконец, не менее своеобразна и ситуация во внутриобластных административных подразделениях восточной зоны, где зарегистрировано всего 16 мусульманских общин. Их наибольшее число (7 общин) сконцентрировано в Кувандыкском районе – единственном, где присутствует относительно значительное (в ряду других районов этой зоны) татарское население. В каждом из остальных семи районов зарегистрировано только по одной мусульманской общине, действующей, как правило, в соответствующем районном центре. Если на этом фоне Гайский район, казалось бы, и выглядит как исключение – зарегистрировано 3 общины, то это впечатление не должно вводить в заблуждение, – две из этих общин также действуют в районном центре. Районы восточной зоны Оренбургской области, где значительно казахское и башкирское население, действительно проигрывают с точки зрения наличия в

них мусульманских приходов и соответственно мечетей.

В списке городов области Оренбург (что естественно, имея в виду его историческое прошлое и связанное с этим прошлым татарское присутствие) лидировал с точки зрения зарегистрированных в нем мусульманских общин — 11 (включая и общины входящих ныне в черту города поселков Карачи и Кушкуль). Число общин в других городах области было меньше — по две в Орске и Бузулуке и 3 — в Бугуруслане. Но при этом мусульманских общин в «новых» городах области порой было больше, чем в ее исторически старых городах: в Медногорске — 6 общин и в Новотроицке — 2. Однако неожиданно значительное число медногорских общин связано с тем, что четыре из них появились во включенных в черту города окрестных поселках (впрочем, и сама эта промышленная агломерация возникла за счет постепенного объединения нескольких поселков, располагавшихся в непосредственной близости от построенного там металлургического комбината). Сказанное относится и к новотроицкой промышленной агломерации, обе городские мусульманские общины — итог расширения площади административно подчиненного Новотроицку пространства.

Если иметь в виду, что Медногорск (как и Гай) находится в зоне традиционного расселения башкир, а Новотроицк — казахов, то оба этих примера являются дополнительным доказательством недостаточно широкого распространения процесса создания религиозных общин на территории исторического проживания этих двух тюрко-мусульманских меньшинств в пределах областного пространства. В то же время оба эти примера вновь доказывают тесную связь ислама и его основного этнического представителя в Оренбург-

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

ской области — татарского этнического меньшинства.

Призванный «канонически» объединить территориальное пространство области Оренбургский муфтият, в уставе которого записано, что он следует призыву Всевышнего Аллаха держаться за вервь Аллаха и не разделяться¹, не смог выполнить эту задачу. В декабре 1994 г. мусульманские общины северо-запада области заявили о своем выходе из-под его юрисдикции. Инициативная группа в составе десяти жителей Бугуруслана провозгласила учреждение (Бугурусланский муфтият), параллельное Духовному управлению мусульман Оренбургской области².

Уставы обоих муфтиятов, официальные цели и направления их деятельности были практически идентичны. Бугурусланский муфтият провозгласил, что в своей деятельности он верен тому же кораническому аяту, который указывает на незначимость национальных различий между мусульманами, а сферой приложения своих сил, как и его соперник, провозглашает всю область. Но канонически и административно этот муфтият, в момент своего создания возглавленный Исмагилом Шангареевым, первоначально входил в состав Высшего координационного центра (ВКЦ) духовных управлений мусульман России с центром в Казани³ (о деятельности Бугурусланского муфтията и его главы см. ниже).

¹ Устав Духовного управления мусульман Оренбургской области. С. 1.

² Здесь и далее: Устав Духовного управления мусульман Оренбургской области (Бугурусланский муфтият), а также связанные с его регистрацией документы. См.: Архив управления юстиции Оренбургской области / Управление Федеральной регистрационной службы по Оренбургской области. Д. 182. Л. 1–28.

³ Был создан в конце сентября 1992 г. во время работы в Москве второго Международного исламского форума

Истоки раскола в мусульманской среде Оренбургской области, конечно же, определялись общим условиями развития общероссийского процесса исламского возрождения. Тем не менее вновь возникшая ситуация вытекала и из обстоятельств местного характера – в ряду которых, видимо, важнейшим была деятельность оренбургских национальных обществ, претендовавших на выражение интересов различных тюрко-мусульманских этнических групп и повторявших извивы развития национальных движений как в обеих российских автономиях – Татарстане и Башкортостане, так и в Казахстане. Итогом этой деятельности стали многочисленные случаи противостояния представителей трех этнических групп попыткам (в первой половине 1990-х годов) установить собственное господство над теми или иными зданиями мечетей, как и стремление навязать вновь возникавшим мусульманским общинам имамов, представлявших то или иное тюрко-мусульманское сообщество.

Односторонние башкирские претензии, поддерживавшиеся в Уфе, в «Караван-сарая», впервые высказанные уже в самом конце 1980-х годов, вызвали резкую полемику в среде татарских и башкирских национальных активистов Оренбурга¹. В начале 1990-х годов, после

ведущими фигурами нескольких региональных мусульманских объединений России, а также Крыма и стран Балтии. Свое окончательное название он получил на съезде представителей этих объединений, состоявшемся в сентябре того же года в Казани. Всероссийский координационный центр возникал как структура, направленная против ЦДУМ и его главы муфтия Т. Таджутдина (см.: *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. – М., 1998. С. 113–115).

¹ Здесь и далее см.: *Рагузин В.* Межнациональные противоречия в религиозной среде // Религия, церковь в России и за рубежом, 1996. № 7. – Цит. по: Россия и мусульманский мир // Бюллетень реферативно-аналитической информации, 1996. № 11. С. 55.

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

того как имам-хатыбом мечети этого комплекса был назначен человек башкирского происхождения, эта полемика приобрела новые нюансы. Наконец, все те же противоречивые устремления национальных объединений заранее исключали возможность назначения имам-хатыбов татарского происхождения (не говоря уже об уроженцах Татарстана) в мечети тех районов, где значительная часть населения были башкиры, и, соответственно, имамов башкирского происхождения или выходцев из Башкортостана в мусульманские храмы районов с татарским населением. В свою очередь, казахские национальные активисты выступали против того, чтобы татары или башкиры назначались имам-хатыбами мечетей, уже существовавших или создающиеся, в тех районах, где была велика доля казахов. Порой эта группа национальных активистов полагала, что имамами в этих мечетях могут быть едва ли не исключительно выходцы из Казахстана. Впрочем, процесс появления казахских имамов, начавшийся только в 1990-е годы¹, прошел, по всей видимости, несколько стадий. Первоначально речь шла об обучении частным образом у имамов-казахов из Казахстана или в Казахстане, хотя одновременно начался процесс поступления казахов в российские медресе (включая и созданное Оренбургским муфтием). При этом, как отмечали российские этнографы Е.И. Ларина и О.Б. Наумова, во вновь открывающиеся мечети советы старейшин избирали имамами казахов, кандидатуры которых затем утверждал областной муфтий.

См. об этом также: *Ларина Е., Наумова О.* Народное самоуправление у казахов Оренбургской области // *Вестник Евразии*, 2006. № 4. С. 88–89.

¹ Здесь и далее цит.: *Ларина Е., Наумова О.* «Ислам имамов» и традиционализм у казахов России // *Вестник Евразии*, 2007. № 3. С. 116–118.

В конечном итоге, противоречивость интересов национальных обществ (при лидирующей роли татарских объединений, стремившихся воскресить повторяющую дореволюционную эпоху ситуацию своего культурного доминирования), жесткое соперничество между ними на поприще «национализации» оренбургского областного пространства, да и сама «хрупкость» этого пространства с его отчетливо видимыми линиями регионалистских разломов как итога «конструирования» этого административного формирования в эпоху его создания, — все это и стало результатом возникновения обоих конкурирующих оренбургских муфтиятов. Однако раскол в оренбургском мусульманском сообществе определялся также происхождением и личными пристрастиями (если не лояльностью тем или иным вновь возникшим мусульманским центрам России и их лидерам) глав обоих мусульманских духовных управлений. Наконец, одной из причин его появления были, несомненно, и обстоятельства постсоветского развития области, где, как и повсюду в России, возникали собственные многообразные и далекие от того, чтобы рассматривать их в качестве единых с точки зрения интересов, центры влияния.

С конца 1980-х годов проблема взаимодействия с национальными обществами тюрко-мусульманских меньшинств и обоими муфтиятами стала едва ли не одним из приоритетов в деятельности оренбургской областной администрации. Руководимая с 1991 г. по декабрь 1999 г. В.В. Елагиным¹, она настойчиво стремилась создать собственную систему взаимоотношений с субъектами регионального поли-

---

¹ См. о нем, в частности: *Шешукова Г.В.* Выборы губернатора в Оренбургской области (социологический анализ) // *Credo*, 2000. № 2. (<http://www.orenburg.ru/culture/credo/20>.)

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

тического процесса, чтобы в максимально возможной степени снизить степень их влияния на развитие обстановки. Высказывавшиеся в этой связи ее представителями опасения выглядели как серьезные и оправданные: «Процессы, происходящие в соседних республиках – Башкортостане, Татарстане, Казахстане, – отмечала ведущий идеолог оренбургской национальной политики начала 1990-х годов, – активная деятельность национальных партий и движений, высказывания их лидеров о пересмотре существующих границ влияют на общественно-политическую обстановку и морально-психологический климат в области»¹.

По сути дела, действовавшая в пограничном регионе оренбургская областная администрация была одной из первых региональных структур России, поставивших вопрос (в том числе и под углом зрения деятельности национальных и религиозных обществ и объединений) о восстановлении общероссийской стабильности и преодолении влияния центробежных сил, ставших реальностью страны в раннюю эпоху ее постсоветского развития². По

¹ *Торукало В.П.* Указ. соч. С. 13.

Говоря, в частности, о территориальных претензиях действовавших в соседних автономиях национальных движениях, как и их лидеров, В.В. Амелин, сменивший В.П. Торукало, подчеркивал: «Русским Оренбуржья вряд ли понравится идея создания башкиро-татарской конфедерации, обсуждаемая в центральных СМИ, а также в Уфе и Казани». Он же подчеркивал, что в Оренбурге резко негативно восприняли высказываемые в конце 1990-х годов президентом Башкортостана М. Рахимовым заявления о желательности проведения новой башкиро-казахстанской границы за счет части территории Оренбургской области (см.: *Амелин В.В.* Межкультурные взаимодействия в условиях полиэтнической области (пример русских и татар в Оренбуржье) // *Этнопанорама*, 1999. № 1. С. 34).

² В преамбуле устава Оренбургской области подчеркивалось не только уважение к исторической памяти, традициям, национальной самобытности и достоинству народов, населяющих Оренбургскую область, но и содержалось по-

словам сотрудника оренбургской областной администрации времени 1990-х годов, «пограничная» (имеется в виду возникновение российско-казахстанской государственной границы. — Г.К.) область «имеет богатую *собственную* (здесь и далее мной выделено. — Г.К.) этнополитическую историю, устойчивые традиции и территориальную ментальность», она выступает в качестве «*самобытного... региона*», находящегося «на стыке Европы и Азии», где встречаются «лицом к лицу христианская и мусульманская цивилизации», а православие и ислам выступают как исторически традиционные религии ее населения¹.

В аппарате главы областной администрации был образован комитет по межнациональным отношениям, которому был подчинен состоявший из руководителей местных национальных обществ и представителей общественности, в частности академической, совет по делам национальностей при главе администрации области², являющийся ныне региональным отде-

---

ложение о признании «приоритета прав и свобод человека и гражданина независимо от национальной принадлежности» в качестве основы для создания гармоничной общности людей, живущих на единой территории и объединенных общими условиями бытия, идеями благополучия и счастья. Эта территория не могла быть подвергнута каким-либо изменениям без согласия ее населения и лишь на основе высказанного этим населением в ходе областного референдума мнения. Деятельность в пределах области каких-либо общественных объединений, стремящихся к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации, запрещалась. Наконец, в Устав включалось положение о том, что на территории области могут быть созданы национально-территориальные образования местного подчинения, но лишь для народов, которые не располагают собственными административными формированиями «в республиках СНГ и титульных республиках в России» (см.: Устав Оренбургской области // Южный Урал, 2 июля 1999).

¹ Рагузин В.Н. На острие российской геополитики. С. 72 и 89.

² Этот орган был создан указом нынешнего губернатора области А.А. Чернышева от 12 ноября 2002 г. в целях ста-

лением Ассамблеи народов России¹. Поставленная перед ним задача была сформулирована как сохранение уникальности края, где «в процессе многовекового совместного проживания различных этнических общностей... складывались традиции взаимопонимания и уважения, межнационального общения и веротерпимости»². Это означало, что «основные интересы населения области носят региональный, а не этнический характер», хотя и существуют «специфические интересы отдельных этнических групп, связанные со сферой сохранения и развития национального языка, охраны этнографических памятников... возрождения народных промыслов».

При комитете был сформирован межнациональный координационный совет, в состав которого вошли представители руководящих органов национальных обществ — не только тюрко-мусульманских, но и славянских (в том числе и русских), немецких и угро-финских. Его функции состояли в том, чтобы ориентировать деятельность национально-культурных центров, национальных общественных движений и ассоциаций, и, обладая совещательно-

---

билизации межнациональных отношений и проведения единой национальной политики в области, координации деятельности национальных объединений из числа руководителей, представителей областных национальных культурно-просветительских обществ, центров и национально-культурных автономий, уставы которых зарегистрированы в органах юстиции, работников органов законодательной и исполнительной власти Оренбургской области (см.: Положение о Совете по делам национальностей при главе администрации области на сайте Управления юстиции по Оренбургской области — <http://www.indem.ru/ceprs/Minorities/Orenb/uK41.htm>).

¹ См.: *Амелин В.В.* Этнокультурная политика в многонациональном регионе // Журнал социологии и социальной антропологии. — СПб., 2004. Т. VII, № 1, С. 165 (<http://www.sociology.net.ru/journal/archiv/J1-end2004.pdf>).

² *Торукало В.П.* Национально-культурная политика в регионе: опыт, проблемы, тенденции. — Оренбург, 1995. С. 57–58.

рекомендательным функциям, взаимодействовать с заместителями глав администраций городов и районов, курирующими вопросы межнациональных отношений. Администрация области стремилась не допустить дальнейшей политизации национальных объединений (тюрко-мусульманские, но также, хотя и в силу других причин, и русские, демонстрировали тенденцию к такой политизации более, чем их другие национальные аналоги), которые она рассматривала как всего лишь общества национальной культуры (включая и ограничение их контактов с действовавшими за пределами области национальными движениями), но и поставить эти объединения под свой (насколько это возможно) многосторонний контроль. Впрочем, даже в сфере культуры деятельность национальных обществ была ограничена функциями совещательного характера.

В аппарате оренбургской областной администрации появился и комитет по связям с религиозными организациями в качестве его структурной единицы, непосредственно подчиненной главе исполнительной власти. Его сотрудники (среди которых не было ни одного верующего мусульманина или хотя бы человека, в культурном отношении близкого к мусульманам) должны были «находить и делать достоянием новых поколений весь положительный опыт межэтнических отношений, взаимопроникновения культур... раскрывать мудрость предков по преодолению межэтнических и межрелигиозных конфликтов»¹.

После первого избрания в декабре 1999 г. А.А. Чернышева² на пост губернатора области

---

¹ Бурматов В. Платформа согласия // Жизнь национальностей Оренбуржья. Информационный вестник, 1996. № 2. С. 2.

² См.: раздел «Губернатор» на сайте оренбургской областной администрации — <http://www.orb.ru:8080/dynamic?gubern-bio>.

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

областная администрация была преобразована в правительство Оренбургской области, включившее, в том числе, и Министерство информационной политики, общественных и внешних связей. В структуре этого министерства возникло управление по связям с общественными, национальными и религиозными организациями, объединившее оба бывших комитета областной администрации – по межнациональным отношениям и по связям с религиозными организациями. Руководство этим управлением было возложено на ранее возглавлявшего комитет по межнациональным отношениям оренбургского общественного деятеля и ученого В.В. Амелина¹ (ставшего и заместителем министра информационной политики, общественных и внешних связей), активно содействовавшего, в частности, и трансформации совета по делам национальностей при главе администрации области в региональное отделение Ассамблеи народов России.

Избиравшаяся областной администрацией в 1990-е годы и реализуемая ныне правительством Оренбургской области схема взаимоотношений с национальными обществами, в первую очередь с тюрко-мусульманскими, значительно сужала сферу их самостоятельности. По оценке лидеров этих обществ, сфера их компетенции все более ограничивалась только тем, что они называли «умением влиять на... принимающего решения человека, своеобразным лоббированием интересующих нас вопросов». Общества вступали в этап своего освобождения от иллюзий². Впрочем, это было уже в то время, когда деятельность радикальных на-

---

¹ См.: специальный раздел на сайте Министерства информационной политики, общественных и внешних связей правительства Оренбургской области – <http://www.mininform.orb.ru/struct/amelin.html>.

² *Узбеков И.* На фундамент реальности // Там же. С. 10.

циональных движений и в Татарстане и Башкортостане, и в Казахстане начинала затухать.

В 1993–1994 гг. в Оренбургской области была подготовлена и стала осуществляться (в дальнейшем периодически продлевавшаяся) целевая комплексная программа поддержки национальных культур народов Оренбуржья¹ (в дальнейшем – Программа реализации модели региональной национальной политики Оренбургской области, осуществление нынешнего варианта которой рассчитано на 2006–2010 гг.²). В нее было включен и раздел, который был назван «Мероприятиями по реализации религиозного фактора в развитии национальных культур народов Оренбуржья».

Программа предусматривала создание условий для развития культур всех национальных групп (включая и русских), проживающих на территории области. Принципами этого развития должны были стать: сохранение традиций, самобытность, взаимообогащение национальных культур, чьи лучшие достижения следовало популяризировать с целью воспитания граждан области в духе уважения к языку, обычаям различных народов. В Программе речь шла также о восстановлении и реставрации памятников национальной истории и культуры, функционировании школ на основе национальной системы образования, введении в средних и высших учебных заведениях факультативных курсов для изучения родных языков школьников и студентов, создании национальной системы дошкольного воспитания. Ее авторы подчеркивали важность свободного развития конфессий как составной части духов-

---

¹ Здесь и далее программа цит. по: *Амелин В.В., Торужало В.П.* Оренбуржье в этнополитическом измерении. – М., 1996. Т. 1. С. 130–166.

² *Амелин В.В.* Этнокультурная политика в многонациональном регионе. С. 166.

ной культуры каждого народа и одновременно противостояния попыткам использовать чувства верующих для разжигания межнациональной розни.

Программа намечала обеспечить всестороннее развитие родных языков народов, свободу выбора в использовании языка межличностных контактов. Этот документ ставил вопросы подготовки кадров преподавателей на языках населяющих область национальных меньшинств, выпуск в свет необходимых учебных и справочных пособий. Естественно, что в нем говорилось о поддержке национальной прессы, радио- и телевидения на национальных языках. Однако лишь в последнюю очередь в Программе отмечалась необходимость поддержки деятельности национальных культурных центров и обществ в контексте укрепления межнациональных связей.

Благодаря тому, что в составлении Программы участвовал и комитет по связям с религиозными организациями, уже в первом варианте этого документа подчеркивалось, что развивавшееся в области религиозное возрождение является благотворным. Авторы Программы провозглашали традиционные верования — православие и ислам — охранителями таких национальных черт, как коллективизм, духовность, соборность, а поддержку православия и ислама в их институционализированных формах — своей приоритетной задачей.

Национальные общества тюрко-мусульманских меньшинств инкорпорировались оренбургской исполнительной властью в общеобластную систему управления, когда их влияние на развитие местного политического процесса (как и в целом их воздействие на различные аспекты общественной и культурной жизни региона) было сведено до минимума. Лишь власть (как это определяет и нынешняя

Программа реализации модели региональной национальной политики Оренбургской области) могла представлять интересы местных национальных меньшинств в сфере культуры, общественно-политической жизни и взаимоотношений с метрополиями – обеими российскими автономиями – Татарстаном, Башкортостаном и Казахстаном.

Власть, во взаимодействии с местным предпринимательством, выступала и в качестве единственного (но далекого от того, чтобы быть щедрым) донора национальных обществ и объединений в сфере финансирования изданий на национальных языках¹, в том числе и нерегулярных «национальных страниц» в печатных изданиях тех районов, где имеются значительные вкрапления этнических меньшинств, реализации незначительного по своим объемам теле- и радиовещания² и проведения этниче-

---

¹ Оренбургская областная администрация является соучредителем двух издаваемых в областном центре газет на языках тюрко-мусульманских меньшинств (хотя материалы едва ли не половины из четырех небольших полос каждой из них публикуются на русском языке) – татарской «Яна Вақыт», тираж которой составляет не более 4500 экземпляров, и башкирской «Караван-сарай», которая все еще не стала регулярно выходящим изданием. Она же финансирует и издание казахской «Айкап» тиражом 1000 экземпляров. По состоянию на 1999 г., администрация предоставила «Яна Вақыт» чуть более 44 тыс. рублей из запланированных 54 тыс., «Айкап» – 31 тыс. из планировавшихся 35 и, наконец, «Караван-сарай» – только 7 тыс. из 15 тыс. рублей (см.: *Амелин В.В.* Этнополитическая ситуация и межэтнические отношения в Оренбуржье. С. 11). Нет оснований полагать, что в настоящее время эти суммы (при постоянной инфляции российской денежной единицы) ныне сколько-либо увеличились. Во всяком случае, все эти издания продолжают финансироваться из средств областного бюджета (см.: Там же. С. 167).

² Как отмечал В.В. Амелин, оренбургское телевидение ежемесячно организует выпуск журнала «Земляки» на языках этнических групп, населяющих область. В свою очередь, областное радио ведет еженедельные передачи Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

ских праздников, включая татаро-башкирский сабантуй и казахский наурыз (науруз. — Г.К.)¹.

Национальным обществам предлагалось строить свою деятельность только на основе той национальной политики, которая осуществлялась администрацией. Созидавшееся ею, начиная с середины 1990-х годов, гражданское общество Оренбуржья, по словам В.В. Амелина, должно было рассматриваться активистами этих обществ как поле совместимости культур и фактора стабильности и межкультурного сотрудничества, основой для которого уже является реальное межэтническое взаимодействие народов².

Это положение было особенно очевидно в сфере национального образования (и, как его итога, сохранения и расширения использования национальных языков) в среде тюрко-мусульманских меньшинств. Если, по данным ООТОЦ, в 1996/1997 гг. на территории облас-

---

на татарском, казахском, башкирском и украинском языках (см.: Там же. С. 166–167). Длительность этих, обычно музыкальных, передач не превышает получаса.

¹ Достаточно сослаться в этой связи на сообщение о проведении в июне 2007 г. праздника сабантуй в центре Асекеевского района селе Асекеево, размещенное на сайте оренбургской областной администрации. В нем подчеркивалось, что организаторами областного праздника татарской культуры «Сабантуй-2007» выступили Министерство информационной политики, общественных и внешних связей Оренбургской области и муниципальное образование Асекеевского района при участии оренбургской региональной татарской национально-культурной автономии — <http://www.orb.ru:8080/dynamic?shownews&nd=963715477>, 21 июня 2007. Столь же велика роль областной администрации, как и руководства подчиненных ей внутриобластных административных образований, в организации и проведении сабантуя в районах со значительной численностью башкирского населения или наурыза — с казахским, а также памятных дат, связанных с жизнью тех или иных деятелей культуры — выходцев из среды всех трех тюрко-мусульманских меньшинств.

² Амелин В.В. Межкультурные взаимодействия в условиях полиэтнической области. С. 28, 34.

ти действовало 87 школ, где в той или иной мере, но чаще всего факультативно, преподавался татарский язык, то в 1997/1998 гг. их число сократилось, составив лишь 77 школ¹. В свою очередь, в 2004 г., по словам В.В. Амелина, из 187 школ области, где родной (нерусский) язык, так или иначе, остается востребованным, действует 83 так называемых татарских школы, а также 47 башкирских и 46 казахских (к которым в равной мере относится определение «так называемые»)². При этом число школ, в которых эти языки изучаются в качестве основного предмета, а также на факультативных занятиях и на занятиях в кружках, составляет, соответственно, 40, 21 и 7.

Тем не менее, как подчеркивал все тот же ведущий оренбургский специалист по вопросам региональной национальной политики, наиболее важной проблемой школьного образования с этнокультурным компонентом является отсутствие желания представителей этнических групп, чтобы их дети изучали родной язык. По мнению В.В. Амелина, «проблему изучения языков поднимают в основном руководители национальных обществ, постоянно предъявляя претензии к органам образования, обвиняя их в том, что они недостаточно занимаются решением проблем школ с этнокультурным компонентом и якобы специально тормозят процесс их развития». Далее он отмечал: «В начале 1990-х годов всплеск национального самосознания у этнических групп способствовал их активизации в развитии национальной культуры, изучении родных языков. Сегодня эти процессы пошли на убыль. Подтверждением тому является и все умень-

---

¹ Узбеков И. Стереотип не друг согласию // Оренбуржье, 17 июня 1998.

² Амелин В.В. Этнокультурная политика в многонациональном регионе. С. 167–169.

шающееся количество абитуриентов, желающих поступить в учебные заведения, готовые учителя по родным языкам».

В этой связи точка зрения активистов национальных обществ тюрко-мусульманских меньшинств была, разумеется, принципиально иной. Они подчеркивали, что в области не возникла атмосфера заинтересованности в среде представителей их этнических сообществ в изучении родных языков. Причина этого, на их взгляд, состояла в первую очередь в том, что представители администрации «придерживаются устойчивого мнения в том, что обучение детей на родном языке закрывает им путь для дальнейшей учебы в... высших учебных заведениях. Причем, — подчеркивал один из татарских деятелей, — это утверждение... тиражируется и доводится до сведения родителей, которых данный вывод... настораживает. При этом умышленно... замалчивается то, что... речь идет не об обучении полностью на родном языке, а о его изучении лишь как школьного предмета»¹. Вследствие этого, как считал цитируемый автор, и возникала проблема «не востребоваемости значительной части выпускников учебных заведений, готовящих национальные педагогические кадры»².

Национальная политика оренбургской исполнительной власти уже на раннем этапе своей реализации была направлена на созидание идеологии, отвечающей (как это понималось в области) интересам российского государства, или, иными словами, доктриной «возрождения духовности, нравственности и культуры, возрождения российских традиций... и

---

¹ *Узбеков И.* Сколько языков ты знаешь — столько раз ты человек // Жизнь национальностей Оренбуржья. Информационный вестник, 1997. № 6. С. 33.

² *Узбеков И.* Стереотип не друг согласию // Там же.

становления российского народа»¹. Эта идеология не могла не быть государственнической, ведь, как однажды подчеркивал В.В. Амелин, «по своим геополитическим, этнодемографическим условиям, экономическому потенциалу Оренбургская область представляет собой “микро-Россию”»².

Равным образом идеология оренбургской власти не могла не быть государственнической и в том ее аспекте, который был связан с решением проблем, вытекавших из процесса религиозного возрождения (в первую очередь ислама) в пределах подчиненного этой власти административного пространства. Успешное решение вопроса, связанного с инкорпорацией национальных объединений тюрко-мусульманских меньшинств в систему общеобластного управления, конечно же, содействовало становлению одного из региональных элементов (в пределах территории Оренбургской области) российского народа. Институционализация исламского возрождения, как и национальная политика, должна была содействовать успешной реализации все той же задачи, содействуя «формированию национального сознания, но не на этнической основе, а на базе исторической общности судеб и культур этнических групп... края, расположенного, — по словам В.В. Амелина, — на стыке Европы и Азии, двух культур, азиатской и европейской, двух мировых религий, христианской и мусульманской»³.

Практическое воплощение этой идеологии требовало всемерного укрепления связей адми-

---

¹ *Торукало В.П.* Национально-культурная политика в регионе: опыт, проблемы, тенденции. С. 7–8.

² *Амелин В.* Программа поддержки развития национальных культур народов Оренбуржья // *Этнополитический вестник*, 1995. № 1. С. 159.

³ *Амелин В.В.* Этнокультурная политика в многонациональном регионе. С. 168, 164.

нистрации/правительства с представителями признаваемого ею и официально зарегистрированного религиозного мусульманского истеблишмента — обоими муфтиятами области. Как отмечалось выше, оренбургская исполнительная власть всегда рассматривала проводимый ею курс на взаимодействие с религиозными организациями как часть осуществляемой ею (ныне) Программы реализации модели региональной национальной политики Оренбургской области¹. Важнейшим элементом этого курса она считала собственное воздействие на происходящий в области процесс духовного возрождения, включавшее прежде всего оказание материальной помощи вновь возникавшим (и не только мусульманским) религиозным организациям и объединениям.

Еще в первой половине 1990-х годов для последовательного претворения в жизнь этого начинания по инициативе исполнительной власти (в частности, действовавшего тогда в аппарате администрации комитета по связям с религиозными организациями) был создан благотворительный фонд «Совесь». В состав его учредителей вошло крупнейшее производственное объединение области «Оренбургнефть»². Представители обоих муфтиятов в этой связи были вполне откровенны: «В возрождении духовных традиций мусульман Оренбур-

¹ В январе 2007 г. в интервью одной из ведущих региональных газет член правительства Оренбургской области С.Г. Горшенин подчеркивал, что «для обеспечения общественной стабильности в сфере межнациональных отношений правительство Оренбургской области разработало Программу реализации модели региональной национальной политики Оренбургской области на 2006–2010 гг., в которую вошли мероприятия по реализации религиозного фактора в развитии национальных культур проживающих здесь народов» (см.: *Горшенин С.Г. Указ соч.*).

² *Бурматов В.* О религиозной обстановке в Оренбургской области // *Диалектика истории Оренбуржья*. — Оренбург, 1994. С. 37.

жья неоценимую помощь» оказывают «Оренбургнефть»... госпредприятие «Оренбургнефтепродукт»... Оренбургский банк Сбербанка России... областная администрация»¹.

В восточных же районах области с их небольшим казахским населением строительство мечетей (как, впрочем, и церквей) первоначально едва ли не в полном объеме финансировалось местными органами исполнительной власти: «Все затраты по строительству мечетей, — отмечал, например, в то время глава Ясненского района, — несет администрация»². В дальнейшем же строительство мечетей стало осуществляться и предпринимателями — выходцами из местной казахской среды (естественно, тесно контактировавшими со структурами исполнительной власти), предпочитавшими строить их «на своей малой родине — там, где они родились и выросли»³. Хотя эти мечети были открыты для всех исповедующих ислам (включая как татар, так и переселенцев из северокавказских автономий России, а также центральноазиатских государств), тем не менее спонсоры их строительства были заинтересованы в том, чтобы ими руководили казахские имамы, что, по их мнению, как и по мнению жителей тех поселков, где эти мечети возводились, должно было способствовать росту национального самоуважения, этнической консолидации. Более того, по свидетельству цитируемых авторов, имам-хатыбы мечетей оренбургских районов с относительно высокой долей казахского населения были местными уроженцами.

---

¹ *Ришат А.-К.* Мира вам и благополучия // Оренбуржье, 12 июля 1995.

² *Клименко А.И.* Экономические факторы национального согласия // Национальные проблемы народов Оренбуржья: история, современность. С. 34.

³ Здесь и далее см.: *Ларина Е., Наумова О.* «Ислам имамов» и традиционализм у казахов России. С. 116–118.

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

Оренбургская исполнительная власть и в дальнейшем продолжала действовать в том же направлении. Говоря об этом в январе 2007 г., курирующий связи с религиозными и национальными организациями министр информационной политики, общественных и внешних связей правительства Оренбургской области С.Г. Горшенин отметил: «Основные средства на возведение церквей и мечетей поступают от спонсоров-благотворителей. Особо заметными из них являются крупные компании, действующие на территории области: “Оренбурггазпром”, “Оренбургрегионгаз”, “Орскнефтеоргсинтез”, “Заводэнергострой”, “Уральская горно-металлургическая компания”, “Орбрегионинвестхолдинг”, “Новотроицкий завод хромовых соединений”, филиал АБ “Газпромбанк”, нефтяная компания “ТНК-ВР Оренбург”, Оренбургское региональное отделение общероссийской организации малого и среднего бизнеса “ОПОРА России” и многие другие предприятия. Выше перечислена лишь малая часть из многих помогающих религиозным организациям в восстановлении духовных святынь»¹.

Список, приведенный одним из ведущих представителей оренбургской исполнительной власти, включающий как предприятия государственного, так и частного сектора, действующие в различных регионах области, во многом показателен — он действительно доказывает, сколь активно действует власть для того, чтобы создать условия для обеспечения своего монопольного положения в сфере, которую оренбургский чиновник называл «этноконфессиональной политикой». Это обстоятельство тем более важно, что, по словам С.Г. Горшенина, само правительство Оренбургской области

---

¹ Здесь и далее см.: *Горшенин С.Г.*, цит. произв.

в течение 2007 г. выделило на цели реставрации нескольких памятников мусульманской культуры районного и областного значения (в том числе и комплекса «Караван-сарай») более 7 млн рублей, планируя увеличить эту сумму в 2008 г. до 10 млн рублей. Иными словами, власть (привлекая к своей деятельности и предприятия области), а вовсе не национальные тюрко-мусульманские организации и общества, продолжала оставаться ведущим игроком на поле местного политического процесса.

В контексте оренбургской этноконфессиональной политики идея восприятия области как микро-России, где создается полиэтничный и многоконфессиональный, но объединенный исторической общностью судеб и культур региональный элемент российского народа, играла столь же принципиальную роль, что и в сфере действий исполнительной власти в отношении национальных обществ тюрко-мусульманских меньшинств. Вместе с тем если местная власть ни в коей мере не могла сомневаться в государственной сущности православия, то положение, складывавшееся уже во второй половине 1980-х годов в мусульманском сообществе России, скорее всего, вызывало опасения. Эти опасения были связаны, конечно, с большей открытостью российского ислама внешнему влиянию, распадом ранее существовавших религиозных мусульманских центров и последовавшими за этим активными попытками этнической национализации религии, предпринимавшимися, в частности, и в самой Оренбургской области, грозившими (что демонстрировали события, происходившие в других регионах России) территориальному единству и целостности страны.

Даже если об этом в Оренбурге и не говорили открыто, весь смысл действий областной администрации/правительства области в пост-

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

советский период был направлен на то, чтобы придать оренбургскому исламу характер по-длинно «российского» или, говоря иначе, решающего «государственную» задачу сохранения территориального пространства страны и поддержания ее внутреннего единства. Для области, ставшей в итоге распада бывшей великой державы приграничным регионом, испытывавшим давление (вне зависимости от того, было ли оно мнимым или реальным, связанным с процессами становления новых политических элит в граничащих с областью тюрко-мусульманских регионах России и независимом Казахстане) со стороны своих соседей, эта задача и не могла не быть приоритетной. Необходимость такого подхода к исламу во многом определяла то внимание исполнительной власти к деятельности мусульманских объединений (включая и вытеснение активистов тюрко-мусульманских национальных обществ из этой сферы), которое становилось отличительной чертой ее этноконфессиональной политики на всем протяжении 1990-х — начала 2000-х годов.

Это было тем более принципиально, поскольку после 1994 г. область стала полем жесткого соперничества двух действовавших в пределах ее территории основных исламских центров — Оренбургского и Бугурусланского муфтиятов (и стоявших за ними «внешних» Духовных управлений), каждый из которых претендовал на выражение интересов всех оренбургских мусульман.

ГЛАВА 5

МУФТИЯТЫ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ: КОНКУРЕНЦИЯ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Как отмечалось выше, в декабре 1994 г. после выхода из-под юрисдикции Оренбургского муфтията нескольких общин северо-западной области было создано параллельное ему Духовное управление мусульман Оренбургской области, расположенное в г. Бугуруслан. Инициативная группа, заявлявшая о своем стремлении учредить второе духовное управление, выдвигала причины, оправдывавшие, как ей казалось, этот шаг. Эти причины сводились к тому, что Оренбург далеко¹ и поездки в областной центр ради решения вопросов, связанных с обустройством жизни бугурусланской мусульманской общины, требуют много сил и средств. Представители же Оренбургского муфтията, как подчеркивалось в обращении инициативной группы, и расположенного в Уфе Центрального духовного управления мусульман ни разу не посетили Бугуруслан. Местному мусульманскому населению, отмечалось в том же обращении, не оказывается финансо-

---

¹ Областной центр, находящийся на расстоянии 360 км, не связан с Бугурусланом железнодорожным или авиационным сообщением. Единственной возможностью добраться из одного города в другой является автобусное сообщение.

вая помощь, так что оно само, на собственные средства, построило мечеть и медресе с общежитием для студентов¹.

1 февраля 1995 г. вновь образованный муфтият был зарегистрирован Управлением юстиции Оренбургской области (ныне – Управлением федеральной регистрационной службы по Оренбургской области). В опубликованном по этому поводу заявлении представителя вновь созданного муфтията отмечалось: «Более двух столетий назад центр духовной жизни мусульман был в Оренбуржье, Духовное управление в то время называлось Оренбургское магометанское собрание»². Ссылки на историю должны были придать новому религиозному объединению необходимый налет легитимности, якобы, возникавшей не только благодаря возвращению центрального звена российской мусульманской жизни в пределы Оренбургской области, но и доказывавшей, что создание, собственно, Оренбургского муфтията – всего лишь косметическое реформирование уфимского ЦДУМ. Одновременно в цитируемом заявлении говорилось, что осуществлявшееся в те годы муфтием Т. Таджутдином реформирование подчиненного ему религиозного объединения не отменяло главного – жесткого централизованного начала в деятельности Центрального духовного управления мусульман и в этой связи фиктивности самостоятельности муфтията, возникшего в областном центре.

Далее цитируемый документ детализировал причины создания бугурусланского Духовного управления. В нем отмечалось, что единст-

---

¹ См.: Архив Управления юстиции Оренбургской области / Управления Федеральной регистрационной службы по Оренбургской области. Д. 182. Л. 1-28.

² Здесь и далее цитируется заявление ответственного секретаря Бугурусланского муфтията от 2 февраля 1995 г. – Личный архив автора.

во исламского пространства России ни в коей мере не противоречит существованию в нем «нескольких Духовных управлений мусульман, к которым сейчас присоединилось и Духовное управление мусульман Оренбургской области с центром в... Бугуруслане». Дальнейшие пассажи заявления звучали как едва ли не открытый вызов ЦДУМ и подчиненному ему Оренбургскому муфтияту.

Принадлежность мусульман к единой исламской нации России, подчеркивалось в нем, предполагает создание новых духовных управлений по административно-территориальным признакам проживания мусульман. Речь, по словам авторов этого заявления, вовсе не шла о внесении «раскола в единую мусульманскую среду, а о практической необходимости решения насущных проблем мусульманских приходов на местах» — проблем, вызванных «бурным ростом духовного самосознания мусульманской нации России», того процесса, который ведет к «созданию массы приходов... и медресе, к строительству новых мечетей. Иными словами, ЦДУМ более не мог рассматриваться в качестве центра российских мусульман, а на месте подчиненных ему региональных структур (по крайней мере, в Оренбургской области) должны были возникнуть жизнеспособные и адекватно реагирующие на вопросы, связанные с жизнью местных мусульманских сообществ, религиозные структуры.

К концу 1998 г. юрисдикция Бугурусланского муфтията распространялась на 18 приходов Бугурусланского, Северного, Матвеевского, Асекеевского и Первомайского районов западной области, а также один приход в г. Бузулуке. Из них только семь общин располагали зданиями мечетей, остальные же проводили религиозные собрания в частных домах (правда, для одной из этих общин завер-

Косач Г.Г. Ислам в Оренбургской области

шалось строительство мусульманского храма, а еще одна — получила участок под его сооружение¹). В то время Оренбургский муфтият располагал куда более внушительным списком контролируемых им общин и объединений (70) и мечетей (52)². Но уже в конце 1990-х годов становилось очевидно, что сферы деятельности обоих муфтиятов взаимопроникаемы. А кроме того, и статус той или иной общины, примыкавшей к Бугурусланскому или Оренбургскому муфтияту (как показывало дальнейшее развитие событий), не оставался неизменным — все зависело от соотношения сил в приходском совете³. Однако вопрос, связанный с возникновением и деятельностью Бугурусланского муфтията (как и расколом регионального мусульманского пространства), имеет и другие, более существенные грани.

Основанный в 1748 г. Бугуруслан (с 1850 по 1934 г. находившийся в составе Самарской / Куйбышевской губернии / области) историче-

¹ Список приходов (махалля), входящих в состав Духовного управления мусульман Оренбургской области (Бугурусланского муфтията), 1998 г. — Личный архив автора.

² Данные, приводившиеся (в то время) главой комитета по связям с религиозными организациями оренбургской областной администрации В.А. Лапшиным (см.: *Лапшин В.А. Деятельность областной администрации по гармонизации межконфессиональных отношений // Христианство и ислам на рубеже веков: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф.* С. 207–208.

³ По свидетельству муфтия И. Шангареева, в 1999 г. группа членов приходского совета подчиненной ему соборной мечети Бугуруслана решила вычлениваться из состава Бугурусланского муфтията и войти в состав иногороднего (Уфимского) муфтията. Для подготовки мусульманской общины города к переходу под юрисдикцию Уфимского муфтията было решено пригласить муфтия из Уфы, приехавшего в город 30 июля 1999 г. (речь идет о главе ЦДУМ Т. Таджутдине) (см.: *Страсти улеглись. — Азан, Самара, 2 сентября 1999*, а также: *Чуряк О. Ваххабиты захватывают Бугуруслан, или Почем опиум для народа // Комсомольская правда в Оренбурге (региональное издание), 10 сентября 1999*).

ски и географически тяготеет к Заволжью, а не Южному Уралу¹. Мусульманское население этого города представлено в первую очередь татарами, — но он никогда не был сколько-либо значимым центром татарской национальной (или религиозной) жизни. Конечно, в юбилейном издании, подготовленном по заданию городской администрации к празднованию 250-летия основания Бугуруслана, отмечалось, что до 1930 г. на окраине города, в Татарской слободе, находились две мечети, при которых существовали медресе, а в начале XX в. в городе была открыта частная женская начальная школа-мектеб. Далее, продолжая перечисление, местный автор добавляла, что в 1920-е годы в Бугуруслане существовала татарская школа, в 1936–1939 гг. — татаро-башкирское педучилище, в 1930-е же годы выпускалась татарская газета с использованием латинского шрифта, в городском театре изредка ставили татарские спектакли, а в летнем кинотеатре показывали дублированные на татарский язык фильмы².

Едва ли эти разрозненные факты позволяли поставить Бугуруслан в один ряд с признанными центрами мусульманской культуры России, тем более что и от этих скромных про-

---

¹ Ситуация прошлого и сегодня является источником ностальгических размышлений для местной интеллигенции. «По природным условиям этот район (Бугурусланский. — Г.К.) ближе к Средней Волге, нежели к природе среднего течения реки Урал (где расположен Оренбург. — Г.К.), — отмечало местное издание. — Он занимает лесостепную зону, имеет тучные черноземы. Климат его менее континентальный, чем в других частях Оренбуржья... Расстояние от Бугуруслана до Оренбурга — 385 километров (так в тексте. — Г.К.)... до Самары — 179. Экономическими осями района являются железная дорога Самара–Уфа, автомобильное шоссе — Самара–Бугуруслан» // Кинельская чаша. Бугуруслану 250 лет. — Оренбург, 1999. С. 8–9, 133.

² Здесь и далее см.: Каримова Д. Подкова на счастье // Кинельская чаша. С. 113–115.

явлений национально-религиозной жизни сегодня остались (если продолжить цитирование) «еле сочащиеся, затухающие истоки». Но все же эссе о бугурусланских татарах, включенное в посвященное городу юбилейное издание, его автор заканчивала на оптимистической ноте: «Заходящее светило ломаными лучами искрит купола поднявшихся в Бугуруслане (в Татарской слободе. — Г.К.) новой каменной мечети и медресе, где открыто высшее духовное мусульманское учебное заведение».

В заявлении инициативной группы бугурусланских «раскольников», выступавших с просьбой о регистрации второго на территории области Духовного управления, говорилось о том, что местная община на собственные средства, без какой-либо помощи Оренбургского муфтията и ЦДУМ построила мечеть и медресе. Эти слова содержали некоторое преувеличение, — строительство новой мечети было завершено только в 1998 г. Впрочем, преувеличение касалось и ее собственных средств. Вопрос, тем не менее, не был связан только с этим обстоятельством.

Вновь созданное в Бугуруслане медресе «Аль-Фуркан»¹, провозглашавшееся в его уставе четырехгодичным исламским институтом², призванным предоставлять среднее профессиональное духовное образование³ (к 1999 г., по словам муфтия И. Шангареева, обучение в нем завершили 16 человек, а продолжали учить-

¹ Арабское слово, обычно понимаемое как синоним Корана. Название одноименной двадцать пятой суры Священной книги ислама.

² Интервью с муфтием. — Оренбуржье, 8 августа 1998.

³ Устав религиозной организации негосударственного духовного мусульманского образовательного учреждения Бугурусланского исламского медресе «Аль-Фуркан» Духовного управления мусульман Оренбургской области (Бугурусланский муфтият). — Бугуруслан, 1999. С. 2.

ся еще 80 юношей¹), занимало специально построенное для него трехэтажное кирпичное здание, к которому прилегало общежитие для иногородних студентов-шакирдов. Обучение, проживание студентов в общежитии, их питание и занятия спортом были бесплатны. Уже в начале своей работы медресе располагало компьютерным, видео- и копировальным оборудованием, а так же факсимильной связью. Чуть позже, в 1999 г. в Бугуруслане же, но под эгидой Духовного управления мусульман «Ассоциация мечетей России» (см. о нем ниже), было создано и женское мусульманское учебное заведение — *Маахад Аль-Хидая лиль-банат* (Институт [духовного] руководства для девушек), в которое ежегодно принималось не более 10 человек.

В свою очередь, находившаяся рядом с медресе «Аль-Фуркан» новая двухэтажная кирпичная соборная мечеть, официально открытая 18 сентября 1998 г., в областной прессе была названа архитектурной жемчужиной Оренбуржья². Она пришла на смену молельному дому, который был перестроен из старого жилого деревянного дома, купленного в 1969 г. местной мусульманской общиной³.

Происходившие в Бугуруслане перемены были действительно разительны, в том числе на фоне областного центра, где все еще не

---

¹ Запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 15 июня 1999. — Личный архив автора.

Приводимые некоторыми отечественными изданиями данные, согласно которым за все время существования этого медресе в нем прошло обучение около 3 тысяч человек, кажутся, тем не менее, существенно преувеличенными (см.: раздел «Оренбургская область» в: Ислам в Приволжском федеральном округе. — Нижний Новгород, 2007. С. 187.

² *Богданова Л.* Открылась новая мечеть // Бугурусланская правда, 22 сентября 1998.

³ *Мухаметзянов Х.* О строительстве мечети // Бугурусланская правда, 30 апреля 1992.

была построена соборная мечеть, отвечающая запросам его более значительного, чем в Бугуруслане, мусульманского населения. Ныне действующая в Оренбурге соборная мечеть, являющаяся одновременно штаб-квартирой Оренбургского муфтията, располагается в одноэтажном здании, бывшем в дореволюционное время одной из приходских мечетей города. В том же здании проходят занятия шакирдов открытого в 1991 г. трехгодичного медресе «Хусаиния»¹, где работают турецкие преподаватели². На заданный корреспондентом одной из оренбургских газет вопрос о том, как в наше время мечеть выживает, муфтий А.Б. Хайруллин ответил: «Выживаем... Скрывать нам нечего: мы ездим по деревням и собираем пожертвования. Кто-то поможет гречкой, кто-то — маслом, кто-то — мукой. Нам нужны продукты для того, чтобы кормить наших студентов из медресе. Их у нас 40 человек»³.

Не имея для того сколько-либо значимых предпосылок, Бугуруслан, небольшой провинциальный город, внезапно превратился в мусульманский центр, что было тем более оче-

¹ Это медресе считает себя наследником дореволюционной «Хусаинии». Вместе с тем организационно оно является филиалом Уфимского (входящего в структуру ЦДУМ) исламского института им. Ризаэтдина Фахреддина (см.: Ислам в Приволжском федеральном округе. С. 187–188).

Об Исламском институте им. Ризаэтдина Фахреддина см.: Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. — М., 2007. С. 62–63.

² См., в частности: Интервью с турецким преподавателем «Хусаинии» Бекером Челенком // Яна вакыт, 1996. № 21.

³ Предписан вам пост... — Оренбуржье, 23 декабря 1998. Некоторые отечественные издания отмечают, что за время его существования медресе «Хусаиния» окончили более 100 выпускников (см.: Ислам в Приволжском федеральном округе. С. 187).

Наряду с медресе «Хусаиния», Оренбургский муфтият располагает и открытым в 2001 г. медресе «Нур» («Свет») в Орске // Там же.

видно на фоне Оренбурга — одного из ведущих исламских центров дореволюционной России. Это превращение определялось несколькими неравноценными факторами. Быть может, важнейшим таким фактором стала личность главы Бугурусланского муфтията.

Исмагил Шангареев родился в 1956 г. в Ростове-на-Дону в татарской семье, в которой, кроме него, было еще семеро детей¹. В то время его отец Калямутдин был имам-хатыбом местной соборной мечети. Во время событий в Новочеркасске² К. Шангареев в публичной проповеди осудил действия властей, что повлекло за собой не только его отстранение от обязанностей духовного наставника верующих, но и кратковременное тюремное заключение. После освобождения из тюрьмы К. Шангареев, по словам его сына, претендовал на вакантное тогда место имам-хатыба казанской мечети «Марджани». Разумеется, его постигла неудача, — религиозный деятель, вступивший в конфликт со светскими властями, не мог рассчитывать на то, чтобы занять должность духовного руководителя верующих мечети крупного города. Но после отстранения Н.С. Хрущева идея бескомпромиссной борьбы с религией стала уходить в прошлое, и в 1964 г. К. Шангареев занял пост имам-хатыба Пермской мечети. В 1977 г. он переехал в село Алькино Похвистневского района Самарской области, где также стал имам-хатыбом местной мечети. Уже стариком К. Шангареев вернулся на родину своих предков — татарское село Асе-

---

¹ Здесь и далее: Запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 15 июня 1999.

² В июне 1962 г. в Новочеркасске (Ростовская область) вспыхнуло спровоцированное ростом цен на продукты питания выступление жителей этого города, проходившее под антисоветскими лозунгами. Оно было жестоко подавлено силами армии и внутренних войск.

кеево, от которого до Бугуруслана — рукой подать.

Как говорил И. Шангареев, он всегда был рядом с отцом. Среднее образование будущий бугурусланский муфтий получил в обычной советской школе, основы же вероисповедного знания — у отца. Натура честолюбивая, деятельная и увлекающаяся, Исмагил искал ту сферу приложения своих сил, которая могла бы в наибольшей степени удовлетворить его личные запросы¹. Вернувшись в 1978 г. в Бугуруслан после службы в армии, он наладил патентное производство аудиокассет на основе соглашения, заключенного им с ведущим советским производителем этой продукции казанским заводом «Тасма». В Бугуруслане появился, по сути дела, филиал этого завода, возглавленный И. Шангареевым. Уже тогда его доходы заметно превышали заработки его земляков.

Вторая половина 1980-х годов открыла перед И. Шангареевым новые возможности. Удачливый предприниматель думал о создании фильма, посвященного жизни советского мусульманского сообщества. Его сценарий под условным названием «Полумесяц и молот» был написан в Бугуруслане одним из местных татарских интеллигентов. Хотя фильм так и не стал реальностью, работа над этим проектом позволила будущему муфтию познакомиться с американским режиссером и посетить Соединенные Штаты. Там, помимо прочего, он интересовался и жизнью местной мусульманской общины. Но все это еще не приводило И. Шангареева к религии, — роль решающего толчка в этом процессе сыграла его встреча с муфтием Т. Таджудином.

---

¹ Здесь и далее: Запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 3 октября 1999. — Личный архив автора.

Перед своей кончиной К. Шангареев подарил главе ЦДУМ собрание собственных религиозных книг. Это и стало поводом для знакомства его сына с главой Центрального духовного управления мусульман. Далее последовал хадж, совершенный И. Шангареевым в 1990 г., затем — поездка вместе с муфтиями Т. Таджутдином и Р. Гайнутдином в Объединенные Арабские Эмираты и, наконец, посещение Иерусалима в составе делегации мусульман, христиан и иудаистов. В том же году И. Шангареев поступил на учебу в уфимское медресе, а спустя три года — получил саудовскую стипендию, позволившую ему стать студентом¹ факультета богословия эр-риядского Исламского университета имени имама Мухаммеда бен Сауда². Это было абсолютно беспрецедентно для российской уммы, тем более для ее оренбургского ответвления. Родившийся в деревне на территории нынешнего Башкортостана в 1938 г. оренбургский муфтий А.Б. Хайруллин³, учившийся в советское время в бухарском медресе «Мир-Араб» и во второй половине 1980 г. назначенный имам-хатыбом соборной мечети Оренбурга и главой местного мухтасибата, ко-

¹ В беседе с корреспондентом газеты «Бугурусланская правда», состоявшейся в 1998 г., И. Шангареев сообщал, что ему осталось учиться (в саудовской столице. — Г.К.) ровно год. Он говорил также, что его жена окончила первый курс того же университета, а пятнадцатилетняя дочь — второй. Двенадцатилетний сын бугурусланского муфтия тогда же, в 1998 г., учился в саудовской школе, а трое его младших детей посещали детский сад и ясли (см.: *Рындина Л.* На учебу в Эр-Рияд. — Бугурусланская правда, 25 августа 1998.

² Исламский университет им. имама Мухаммеда бен Сауда (Джамиъа аль-Имам Мухаммед бен Сауд аль-Ислямийя) был создан в Эр-Рияде в 1974 г. на базе возникших ранее в саудовской столице (1953 и 1954 гг.) институтов шариата и арабского языка (см. раздел «Об университете» на сайте этого учебного заведения — <http://www.imamu.edu.sa/aboutimamu.htm>).

³ См.: *Тлекая С.* Для людей уразумеющих. — Оренбургское время, Оренбург, 7 июня 1996.

нечно же, не мог быть сравним с деятельным И. Шангареевым.

Инициированное И. Шангареевым строительство медресе в Бугуруслане было закончено в конце октября 1994 г., открыв двери перед первыми студентами в ноябре того же года. По сообщению самого муфтия, строительство было осуществлено на средства религиозных конфессий арабских и мусульманских стран, пожертвования прихожан, спонсорство организаций, предприятий, банков, предпринимателей¹, среди которых он особо выделил двух местных татарских бизнесменов и бугурусланский коммерческий банк «Спутник»². Первоначально занятия в медресе³ вели выпускники Исламского университета в Медине⁴. Спустя несколько лет корреспондент местной «Бугурусланской правды» сообщил, что медресе «Аль-Фуркан» является филиалом Мединского университета в Саудовской Аравии⁵.

¹ Шангареев И. Спасибо за поддержку // Бугурусланская правда, 19 января 1995.

² Банк «Спутник» был тесно связан с крупнейшей региональной промышленно-финансовой группой, резиденция которой расположена в Бугуруслане, — АО «Оренбургнефть». Деятельность банка развивалась в северных и северо-западных районах Оренбургской области (Бугурусланский, Асекеевский, Северный, Бузулукский) и в прилегающем к ним Похвистневском районе Самарской области (см.: Бугурусланский «Спутник» выходит на региональную орбиту // Комсомольская правда в Оренбурге, 3 сентября 1999. По сути дела, сфера интересов этого банка почти полностью включает территорию общин, на которые распространяется юрисдикция Бугурусланского муфтията.

³ Шангареев И. Спасибо за поддержку.

⁴ Исламский университет Просветленной Медины (Аль-Джамиъа аль-ислямийя би Аль-Мадина Аль-Мунаввара) был создан в сентябре 1961 г. Университетский устав определяет цели этого высшего учебного заведения, в частности, следующим образом: «распространение вечной миссии ислама в мире», укоренение духа ислама в душе человека и в обществе и обучение мусульманских студентов из всех стран мира (см.: разделы «Создание университета» и «Цели университета» на его сайте — <http://www.iu.edu.sa>).

⁵ Рындина Л. Чему учат в медресе? // Бугурусланская правда, 1 августа 1998.

Появление медресе (ставшее возможным благодаря поддержке местных татарских предпринимателей и ведущей державы мусульманского мира), собственно, и заложило основу для превращения Бугуруслана в один из российских центров ислама, способный готовить по-мусульмански образованных руководителей приходов и общин. Но круг сторонников И. Шангареева в этом городе постепенно расширялся, что определялось и развитием событий вокруг строительства местной соборной мечети.

Сооружение мечети было начато летом 1991 г. под эгидой ЦДУМ, но уже на следующий год в связи с возникшими в стране (как и в самом ЦДУМ) финансовыми проблемами было заморожено. Муфтий Т. Таджутдин так и не смог найти средства на завершение строительства¹. Однако они были найдены И. Шангареевым, который лично внес на строительство мечети (в те годы значительную сумму) 150 тыс. рублей², а также настоял на сохранении устраивавшего администрацию города первоначального проекта здания храма (в то время в интересах экономии ЦДУМ предлагал от него отказаться)³, содействовал привлечению

---

¹ Глава приходского совета соорудившейся мечети сообщал в этой связи, что для решения вопроса о финансировании ее строительства муфтий Т. Таджутдин выделил ему религиозные книги для их дальнейшей продажи верующим. Тогда община обратилась за помощью к предпринимателям, организациям, фермерам, кооперативам, мусульманам, всем жителям города и района (см.: *Мухаметзянов Х.* О строительстве мечети).

² *Каримова Р.* Строитель храмов // Оренбуржье, 18 янв. 1995.

³ См. об этом свидетельство автора первоначального проекта, как и автора проекта медресе «Аль-Фуркан», создавшего в конце 1980-х годов собственную творческую мастерскую главного архитектора Бугуруслана А. Сидорова (см.: *Сидоров А.* О строительстве мечети // Бугурусланская правда, 22 мая 1991).

к финансированию сооружения храма саудовских спонсоров.

В 1993 г. Бугуруслан посетила делегация шейхов из Саудовской Аравии¹, встречавшаяся как с членами общины мечети, так и с представителями городской исполнительной власти. Результатом поездки этой делегации стало выделение саудовскими мусульманами 90 тыс. долларов США в качестве взноса на завершение строительства². На небольшой российский город пролился золотой дождь!

Впрочем, и в дальнейшем начинания бугурусланского муфтия неизменно получали саудовскую финансовую поддержку. Кроме этого, ему продолжало оказывать помощь и большинство³ местных татарских предпринимателей⁴, создававших в 1990-е годы свои капиталы на поставках кожи в Турцию и зерна в страны Аравийского полуострова⁵. Установленные И. Шангареевым личные связи с представителями саудовского бизнес-сообщества, несомненно, оказывали им в этом необходимую поддержку.

¹ Эта делегация представляла фонд «Аль-Ваф Аль-Ислямий» («Мусульманский вакф»), входящий в созданный спонсируемой саудовским королевством организацией «Исламская конференция» Фонд исламского сотрудничества.

² *Рындина Л.* На учебу в Эр-Рияд.

³ Не стоит считать, что эта помощь была безоговорочной и всеобщей. В Бугуруслане нередкими были случаи довольно жесткого противостояния между семейно-клановыми группами татарских бизнесменов. Некоторые из них стремились поддержать соперников И. Шангареева в руководстве общины и муфтията (см.: *Чуряк О.* Ваххабиты захватывают Бугуруслан).

⁴ Часто их помощь принимала традиционную форму мусульманской благотворительности. Так, бугурусланский муфтий сообщал, что построить минарет (соборной мечети. — *Г.К.*) в честь памяти отца взялись братья Хайруллины — Ринат и Рафкат (см.: *Страсти улеглись*).

⁵ Запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 15 июня 1999.

Все это и содействовало успешному продвижению его начинаний¹.

В первой половине 1990-х годов И. Шангареев пользовался практически безоговорочной поддержкой обоих татарских национальных центров Бугуруслана и Бугурусланского района – местного отделения ООГОЦ, но не оренбургского руководства этого областного объединения, и городского общества «Туган тел», что лишний раз доказывало существование внутренних разломов в татарском сообществе Оренбургской области. В мае 1994 г. от их имени, а также от имени мусульманской общины было опубликовано обращение «Даешь народную стройку!». В нем, в частности, говорилось: «Не кажется ли вам, что приостановление строительства станет национальным позором? Ни один уважающий себя мусульманин не должен допустить этого, как того не допускали наши предки... Мечеть строится для сохранения наших моральных устоев, которые благотворно влияют на благополучие семейной жизни, нашего общества, нашего общего дома со всеми другими народами и верующими»².

Обретению поддержки национальных обществ содействовали многие обстоятельства – благотворительные обеды для малоимущих соотечественников (куда, впрочем, приходили жители города вне зависимости от национальной или религиозной принадлежности), помощь местным детским садам и яслям, содействие ремонту курировавшегося бугуруслан-

---

¹ Среди этих начинаний – строительство мечети в селе Северном (центре Северного района), затраты на которое составили 25 тыс. долларов США, завершение строительства мечети в селе Асекеево и сооружение мусульманского храма в селе Матвеевка (центре одноименного района) (см.: Там же).

² Даешь народную стройку! Обращение общественных и религиозных организаций мусульман к бугурусланцам // Бугурусланская правда, 19 мая 1994.

ским отделением ООТОЦ татарского клуба им. Г. Тукая, пополнение уголка татарской национальной культуры в краеведческом музее города. Наконец, речь шла и о том, что «наверное, нет ни одной мусульманской семьи в Бугуруслане, Асекеево, Алькино (в Самарской области. — Г.К.), где не было бы книг, четок... лично привезенных из хаджа и подаренных муфтием И. Шангареевым»¹.

18 сентября 1998 г. новая бугурусланская соборная мечеть была торжественно открыта. В Татарской слободе, на окраине провинциального города собрались представители городской и районной власти (в качестве спонсоров строительства мечети), татарской, в том числе и предпринимательской, общественности, делегации противостоящих ЦДУМ Духовных управлений Татарстана и Башкортостана, а также Самарского муфтията. В центре внимания собравшихся по старой советской традиции были дети — празднично одетые воспитанники татарского детского сада «Чулпан»². Наверное, это был миг высшего торжества для И. Шангареева, окончательно утверждавший его в качестве бугурусланского муфтия и позволявший ему надеяться на неизбежную победу в противостоянии с Оренбургом.

Феномен И. Шангареева состоял в том, что его усилиями была создана принципиально отличная от положения в областном центре ситуация, которая и определила возможность появления конкурента областному муфтияту. Этот человек обеспечил небольшому городу возможность стать центром притяжения для мусульман окружавшего этот город простран-

¹ Неопубликованное сообщение для прессы, подготовленное по заказу Бугурусланского муфтията активисткой бугурусланского отделения ООТОЦ и журналисткой Н. Абдульмяновой. — Личный архив автора.

² *Богданова Л.* Открылась новая мечеть.

ства, а также содействовал легитимации начинаний местного татарского предпринимательства. Его восхождение к вершине религиозной карьеры приветствовалось местными татарскими национальными объединениями, благодаря ему усилился регионализм западных районов (в том числе и в среде областного татарского сообщества). Наконец, деятельность И. Шангареева в полной мере отвечала одной из «констант» саудовской внешнеполитической доктрины: обязательной помощи общинам единоверцев в немусульманских странах, распространению среди них духа истинной веры¹ и содействие развитию в этих странах исламского прозелитизма².

В то же время, феномен И. Шангареева, конечно же, доказывал неустойчивое состояние российского исламского сообщества в период 1990-х годов, когда перед его наиболее активными и честолюбивыми представителями открывались ранее невозможные перспективы. Эти перспективы, по крайней мере в случае с Шангареевым, вовсе не ограничивались стремлением расширить сферу собствен-

---

¹ Отчеты саудовцев, посещавших Бугуруслан, содержали пассажи о царящем среди местных единоверцах невежестве — джахилийе, о незнании ими основополагающих норм мусульманской жизни, о том, что местная татарская молодежь не имеет никакого представления о ценностях ислама и по своему поведению мало чем отличается от своих русских сверстников. В свою очередь, отмечали они, старшее поколение следует некоторым религиозным обрядам, но опутано множеством суеверий и предрассудков, абсолютно несовместимых с подлинными основами веры (см., например: Такрир ан сейр аль-маахад фи Бугуруслан би Русия Аль-Иттихадийя ли амм, 1998 (Отчет о развитии Института в Бугуруслане, Российская Федерация, 1998 г.). Муассаса Аль-Вакф Аль-Ислямий (Фонд «Аль-Вакф аль-ислямий») // Эр-Рияд, 1419 Х. С. 7).

² См. об этом: Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии: приоритеты, направления, процесс принятия решения. — М., 2003. С. 105–134.

ных интересов только территориальным пространством Оренбургской области. Да и обретение им статуса муфтия части этого пространства было, видимо, направлено на решение более амбициозных задач, возможность возникновения которых, в конечном итоге, вытекала из все того же неустойчивого состояния российской уммы.

В 1994 г. усилиями (в то время) имам-хатыба Исторической мечети Москвы Махмуда Велитова и его заместителя (в будущем — главы одного из противостоявших друг другу муфтиятов Ульяновской области), брата И. Шангареева Тагира, в российской столице была зарегистрирована Ассоциация мечетей России — Духовное управление мусульман, провозглашавшееся надрегиональной структурой, объединяющей мусульманские приходы и общины всей России¹. Обретение И. Шангареевым поста бугурусланского муфтия позволило в дальнейшем включить в сферу юрисдикции Ассоциации часть примкнувших к нему общин на территории Оренбургской области (по сути дела, сфера деятельности этой Ассоциации, как показало дальнейшее развитие событий, не выходила за пределы Ульяновской и Оренбургской областей). Сам же факт возникновения Ассоциации свидетельствовал о том, что в составе вновь формировавшейся мусульманской элиты России появилась спаянная родственными узами, целеустремленная и активная группа братьев Шангареевых, в которую мог бы войти и их брат Мансур (арестованный и осужденный в 2005 г. по обвинению в ваххабитской деятельности) в случае, если бы его раскольнические действия в Астраханской об-

---

¹ Автор искренне благодарен российскому этнографу и исламоведу Д.З. Хайрутдинову за предоставленную в этой связи консультацию.

ласти (идентичные действиям двух других его братьев) оказались успешными.

Одновременно И. Шангареев следовал в фарватере тех тенденций, которые в 1990-е годы развивались в мусульманском сообществе России. Созданный в 1996 г. под руководством муфтия Московской соборной мечети Р. Гайнутдина Совет муфтиев России (в качестве структуры, направленной против ЦДУМ) и последовательно развивавшееся сотрудничество между этой организацией и Высшим координационным центром Духовных управлений мусульман России¹ (в состав которого первоначально входил Бугурусланский муфтият) преопределили возможность вступления в Совет муфтиев как возглавлявшегося И. Шангареевым религиозного объединения, так и ДУМ «Ассоциация мечетей России».

С 2001 г. И. Шангареев живет в Москве, руководит Ассоциацией мечетей России и является сопредседателем Совета муфтиев. Кроме того, он сохранил за собой пост главы Бугурусланского муфтията, ни в коей мере не утратив тесных и взаимовыгодных связей с городской исполнительной властью Бугуруслана, а также с руководством тех западных районов Оренбургской области, где имеются подчиненные этому муфтияту приходы и объединения². К тому времени в Оренбурге разворачивалась жесткая кампания, направленная против бугурусланского муфтия. В этой кампании участвовал не столько глава Оренбургского муфтията А.Б. Хайруллин, сколько непосредственно ЦДУМ, пред-

---

¹ См. об этом: *Малашенко А.В.*, цит. произв. С. 117–119.

² *Мацузато К.* Дискурсы и поведение мусульманских деятелей Волго-Уральского региона. Влияние региональных образов самовосприятия и стратегии областных администраций // *Ислам от Каспия до Урала. Макрорегиональный подход* / Под ред. *К. Мацузато*. — Саппоро, Slavic Research Center, 2006. С. 147–148. — http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no12_ses/chapter03.pdf.

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

ставляемый в первую очередь муфтием Т. Таджутдином.

Начало этой кампании стоит, наверное, отнести к апрелю 1999 г., когда глава ЦДУМ, посещавший Оренбургскую область, прибыл в Бугуруслан (в это время И. Шангареев находился за пределами России). Выступая в местной соборной мечети, Т. Таджутдин заявил о существовании внутри российского мусульманского сообщества «нескольких неравноценных по влиянию и качеству деятельности духовных центров», борьба за лидерство между которыми «способствует проникновению в духовное сознание мусульман религиозного и национального экстремизма». В этом, по его словам, «заинтересованы определенные силы на Западе и в мусульманском мире, мечтающие о господстве ислама, нехарактерного для России шиитского (так в тексте. — Г.К.) толка». Далее он отмечал, что противостояние религиозных центров «по сути своей — это борьба патриотического крыла российского ислама, мирно уживающегося с другими конфессиями... во главе с лидерами, осознающими себя... россиянами, а потому уже мусульманами, и... пан-исламистами, интересы которых сужены до личных... а раскольническая деятельность диктуется зарубежными хозяевами»¹.

В июне того же года муфтий Т. Таджутдин говорил о том же, но еще более резко, на съезде Оренбургского муфтията: «Не секрет, что есть эмиссары, готовые к сотрудничеству с представителями ислама... У них есть деньги, но у них и свои интересы... Но учтите, такие эмиссары готовы работать только на самих себя. Пользы от сотрудничества с ними не будет. Это особенно важно учесть перед выборами

---

¹ Янцев А. Жить с добрыми намерениями // Бугурусланская правда, 3 апреля 1999.

(в декабре 1999 г. в России состоялись очередные парламентские выборы. — Г.К.) и не нужно соблазняться на деньги»¹. В конце июля — начале августа 1999 г. пресса областного центра активно включилась в направленную против Бугурусланского муфтията кампанию. Его главе вменялись в вину как насильственные присоединения приходов к возглавляемому им Духовному управлению, так и подкуп должностных лиц. Вероятно, эту кампанию (о чем свидетельствовали некоторые факты в опубликованных текстах) инспирировал в канун выборов руководитель областного комитета по связям с религиозными организациями².

В октябре 1999 г., обращаясь к главе городской бугурусланской администрации (в то время) В.В. Жукову, Т. Таджутдин утверждал, что в городе действует группа лиц, открыто проповедующих экстремистское течение «ваххабизм», среди которых участники летних лагерей ваххабитов, собранных И. Шангареевым

¹ *Амиров Р.* Не разделяйтесь! // Оренбуржье, 17 июля 1999.

² См., в частности: *Басыров Р.* Захват мечети // Оренбуржье, 31 июля 1999.

Выходящие в Оренбурге региональные издания московских газет были более откровенны. Так, «Комсомольская правда в Оренбурге» без каких-либо обиняков называла главу комитета по связям с религиозными организациями администрации Оренбургской области В.А. Лапшина человеком, выставляющим И. Шангареева «кровожадным ваххабитом... поддерживаемым братьями по вере из Саудовской Аравии» (см.: *Чуряк О.* цит. произв.).

Формально позиция комитета по связям с религиозными организациями в связи с конфликтом между обеими действующими в области муфтиятами, как и между И. Шангареевым и Т. Таджутдином, была нейтральной. Как писал В.А. Лапшин, «противоборство между Оренбургским и Бугурусланским муфтиятами может быть той искрой, которая способна стать главным компонентом в этноконflikте... Поэтому комитет... считает одной из своих приоритетных задач — поддержание лояльных отношений между двумя муфтиятами» (см.: *Лапшин В.* О религиозной обстановке в Оренбургской области // Бугурусланская правда, 10 декабря 1998).

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

из различных регионов России, а также иностранцы-арабы. В официальном письме Т. Таджутдина мэру города речь шла о том, что действия этой группы лиц связаны с вторжением в Дагестан сторонников религиозного экстремизма и фанатизма. Он также писал о том, что глава ЦДУМ «довел свою обеспокоенность до сведения Президента России Б.Н. Ельцина и премьер-министра положением... в городе». Одновременно в нем содержалось требование закрыть гнездо подготовки ваххабитов в Бугуруслане¹. Но еще раньше, в сентябре 1999 г., когда боевые действия в Дагестане только начинались, авторы московских газет, в том числе называвших себя либеральными, ссылаясь на мнение близких к ЦДУМ глав муфтиятов, соседних с Оренбургской областей, открыто называли Бугуруслан «гнездом ваххабизма»².

Обвинения противника в приверженности ваххабизму были едва ли не основным инструментом действия главы ЦДУМ и Оренбургского муфтията, которые были обращены не столько к верующим, сколько к региональной и федеральной власти. Для этого были формальные основания – тесные контакты И. Шангареева с Саудовским королевством. Однако ни один из документов муфтията не указывал на то, что Бугурусланский муфтият или какой-либо из его приходов следовал саудовскому ханбалитскому мазхабу. Напротив, в уставе муфтията, в частности, подчеркивалась приверженность этого Духовного управления требованиям Корана и Сунны, отраженным в религиозно-правовом направлении имама Абу

¹ Письмо председателя ЦДУМ России и Европейских стран СНГ Верховного муфтия шейх-уль-ислама Т. Таджутдина главе администрации г. Бугуруслана В.В. Жукову от 28 октября 1999 г. – Личный архив автора.

² См., например: *Серенко А.* Кавказские пленники // Независимая газета – регионы, 14 сентября 1999.

Ханифы, обязательном для всех находящихся под его юрисдикцией религиозных организаций¹.

Бугурусланский муфтият и Ассоциация мечетей России действительно расширяли сферу своего влияния в пределах территории области. Тем не менее ситуация, сложившаяся к началу 2006 г. в итоге развития противостояния между обоими муфтиятами, доказывала, что Оренбургское духовное управление контролировало большее число мусульманских общин, чем его бугурусланский конкурент². В то время как юрисдикция Оренбургского муфтията распространялась на 80 общин, Бугурусланскому муфтияту и Духовному управлению мусульман Ассоциация мечетей России, связанных с муфтием И. Шангареевым, подчинялось 46 общин. При этом число религиозных объединений, канонически подчиненных собственно Бугурусланскому муфтияту, составляло 15, а Ассоциации мечетей России – 31. Однако эти показатели должны восприниматься во многом как формальные, если их рассматривать в отрыве от географии распространения этих общин, а также их этнорегионального компонента.

Общины и объединения, подчинявшиеся Оренбургскому муфтияту, существовали практически во всех районах области – в западной, центральной и восточной зонах. Общины же, действовавшие под руководством Бугурусланского муфтията и Ассоциации мечетей России, присутствовали в западной и восточной зонах районов, но отсутствовали в

---

¹ Устав Духовного управления мусульман Оренбургской области (Бугурусланский муфтият). – Бугуруслан, 1995. С. 2.

² Здесь и далее подсчитано по списку действующих религиозных организаций, церквей и молитвенных домов по Оренбургской области на 01.01.2006 г.

центральной зоне области, включая Оренбург¹ и Татарскую Каргалу. Однако присутствие при этом Оренбургского муфтията на западе области было едва ли не призрачно, как, соответственно, и присутствие обоих руководимых или связанных с И. Шангареевым духовных управлений на ее востоке. Если Оренбургскому муфтияту были подчинены четыре общины в Асекеевском районе, одна в Северном районе и по одной в городах Бугуруслане и Бузулуке, то Бугурусланский муфтият располагал одной общиной в Гае, а Ассоциация мечетей России — пятью общинами в Медногорске и одной общиной в Новотроицке. Центральная зона районов в любом случае оставалась монопольной сферой деятельности сторонников оренбургского муфтия А.Б. Хайруллина (и, разумеется, ЦДУМ).

Однако западные районы области (даже если учитывать существование там немногочисленных общин Оренбургского муфтията) выглядели как практически монопольное владение духовных управлений, связанных с И. Шангареевым. Юрисдикция Бугурусланского муфтията и Ассоциации мечетей России распространялась на все общины Северного и Матвеевского районов, 13 общин Асекеевского района, 5 общин Абдулинского района (только в районном центре Абдулино существовала община, руководимая Оренбургским муфтиятом), 4 общины Бугурусланского района (хотя в самом городе действовало одно объединение, канонически примыкавшее к муфтияту областного центра). Наконец, каждый из конкурентов — Оренбургский и Бугурусланский муфтияты —

¹ Впрочем, в оренбургской прессе второй половины 1990-х годов появлялись сообщения о том, что община оренбургской мечети «Хусаинийя» устанавливала контакты с Бугурусланским муфтиятом (см., например: Идти по стопам Пророка // Айкап, 1997. № 10).

располагал по одной общине в Бузулуке и также по одной общине в центре Первомайского района.

Такая картина была действительно показательна. Общины связанных с И. Шангареевым мусульманских духовных управлений отсутствовали в тех районах области, где имеется значительное присутствие башкирского этнического меньшинства – Красногвардейском и Тюльганском. Логично предположить, что наличие этих общин в Гае и Медногорске, скорее, связано с тем, что в демографической структуре данных городов имеются и татары, доля которых равна доле башкир. Точно так же существование общины Ассоциации мечетей России в Новотроицке, как и общины Бугурусланского муфтията в центре Первомайского района (но не в сельской местности), вероятнее всего, вновь определялось не распространением влияния этих двух духовных управлений в казахской среде, а присутствием там татарского населения.

Тем не менее наиболее яркой чертой оренбургского мусульманского пейзажа являлось монопольное положение духовных управлений на западе области, связанных с деятельностью И. Шангареева, и, соответственно, руководимого А.Б. Хайруллиным Оренбургского муфтията в ее центральных районах. При этом противостояние между обоими конкурентами происходило едва ли не исключительно в татарской этнической среде. Это обстоятельство вновь заставляло говорить о внутриобластных регионалистских линиях размежевания, одним из показателей которого (вне зависимости от способов формирования Бугурусланского муфтията и Ассоциации мечетей России, их связей с внешними мусульманскими центрами и отношений между этими двумя духовными управлениями и иными центрами мусульманской жизни России) является неизбежное раздроб-

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

ление местного татарского этнического сообщества.

Татарское население центральной и западной зон внутриобластных административных образований оказывалось ориентированным на различные центры притяжения в рамках, казалось бы, единой конфессии, что вновь объяснялось однажды возникшей конструкцией областной территории. Одновременно выражавшаяся мусульманскими (и, вроде бы, едиными в этническом отношении) общинами лояльность тем или иным религиозным лидерам лишь подчеркивала существование различий в их ориентациях, вновь вытекавших, в итоге, из самой сущности конструкции оренбургского областного пространства.

Сферы юрисдикции обоих муфтиятов, таким образом, становились стабильными величинами, устойчивость которых определялась объективными обстоятельствами существования оренбургских приверженцев ислама — сообществ местных тюрко-мусульманских меньшинств. Но это не означало, что И. Шангареев не осуществлял открытой экспансии в направлении тех российских территорий, где влияние ЦДУМ казалось всеобъемлющим и непоколебимым. Создавая лояльные к себе объединения, среди которых, в частности, Всероссийский форум студентов-мусульман, президентом которого, используя свое положение человека, формально продолжавшего учиться в одном из университетов саудовской столицы, был он сам¹, или Всероссийская ассоциация мусульманок, возглавленная его женой Марьям², глава Бугурусланского муфтията поощрял

---

¹ *Канин П.* Объединяются студенты-мусульмане // Южный Урал, 6 июля 1999.

² *Галимов Ш.* Ислам нурынын яктысы // Азан, 5 августа 1999; *Он же.* Для чего объединились? // Южный Урал, 7 августа 1999.

распространение их полуавтономных ячеек — джамаатов (объединенных, тем не менее, единым центром со штаб-квартирой в Бугуруслане) на территории приходов, официально подчиненных муфтию Т. Таджутдину, — в центральных и восточных районах Оренбургской области, в Ульяновской области, Башкортостане и Мордовии. К тем же результатам приводили и ежегодно проводившиеся И. Шангареевым летние лагеря для мусульманских девушек и женщин, молодых мусульман-мужчин (в их числе было и немало принявших ислам русских), а также имамов и муэдзинов.

Только в 1999 г. в трех таких последовательно проводившихся лагерях, на организацию которые и тогда, и ранее были выделены немалые, по российским меркам, средства саудовских фондов¹, приняли участие 400 уроженцев различных регионов Урала и Поволжья, в том числе 60 действующих имамов². Более того, в этих летних лагерях велась предварительная работа по созданию новых джамаатов, в чем автор этих строк имел возможность лично убедиться, наблюдая в июне 1999 г. за работой женского летнего лагеря³. Расширению сферы влияния муфтия И. Шангареева (как и на определенном этапе создания Совета муфтиев России) служил и создан-

---

¹ На проведение летних лагерей только в 1998 г. Фонд «Исламский вакф» выделил 40 тыс. долл. США (см.: Муассаса «Аль-Вакф Аль-Ислямий» (Фонд «Исламский вакф»). Такрир ан сейр аль-мухайямат ас-сайфийя фи Бугуруслан би Русия Аль-Иттихадийя ли амм 1998 (Отчет о проведении летних лагерей в Бугуруслане, Российская Федерация) // Эр-Рияд, 1419 Х. С. 3).

² Запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 21 августа 1999. — Личный архив автора.

³ См. более подробно о деятельности И. Шангареева: Косач Г.Г. Муфтият российского постсоветского региона: становление и эволюция // Вестник Евразии, 2000. № 2. С. 59–85.

ный им (после ареста в Астраханской области его брата Мансура) Исламский правозащитный центр, развивавший отношения с неформальными организациями российских правозащитников — центром «Мемориал» и Московской хельсинкской группой¹).

Ретроспективный взгляд на развитие событий вокруг Бугурусланского муфтията позволяет сказать, что оно определялось несколькими существенными (внутренними и внешними, но далеко не соразмерными и однозначными) причинами. Среди них эволюция ситуации в регионе российского Северного Кавказа, создание международной антитеррористической коалиции, последовавшей за трагедией 11 сентября 2001 г., и, наконец, коренное улучшение российско-саудовских отношений, ставшее результатом визита в начале сентября 2003 г. саудовского короля Абдаллы (в то время наследного принца) в российскую столицу. Но, быть может, наиболее принципиальной причиной, сделавшей неизбежной перемену в противостоянии обоих муфтиятов Оренбургской области, стало формирование президентом В.В. Путиным новой «вертикали» российской власти, оказавшее мощное воздействие и на позиции всех конкурирующих религиозных центров российской уммы.

В течение 2003—2006 гг. в Оренбургской области было начато мощное наступление на действовавшие в ее западных районах и созданные

---

¹ См. например: *Дмитриев А.* Проповедника ваххабизма устроили в колонию. — Коммерсант, 29 июня 2006. — http://www.ombudsmanrf.ru/dad_2006/dad06/dad_317/r06.doc; *Никольский В.* «Постриг бороду — значит законспирировался». Директор Исламского правозащитного центра Исмагил-хазрат Шангареев расскажет Вашингтону о положении мусульман в России. — http://portal-credo.ru/site/?act=press&type=list&press_id=260; Открытое письмо мусульманской общественности президенту В.В. Путину. — Известия, 5 марта 2007. — Цит. по: http://www.islam.ru/pressclub/islamofobia/open_letter.

И. Шангареевым медресе (в частности, при мечети в Асекееве и селе Бакаево Северного района), которые отныне рассматривались как источники распространения ваххабитского учения. В апреле 2005 г. на пресс-конференции в Москве¹ глава Бугурусланского муфтията заявил о том, что жесткому давлению власти подвергаются медресе «Аль-Фуркан», где во время рейда подразделения войск специального назначения в начале октября 2004 г. была обнаружена ваххабитская литература, и женское религиозное учебное заведение «Маахад Аль-Хидая». В середине ноября 2004 г. деятельность медресе была приостановлена самим муфтием И. Шангареевым. В дальнейшем же оно вновь стало действовать, но только лишь в качестве краткосрочных курсов. Наконец, в феврале 2005 г. прокуратура Оренбургской области подала в областной суд исковое заявление о ликвидации медресе «Аль-Фуркан»². Месяцем позже, в марте 2005 г., был произведен обыск в «Маахад Аль-Хидая», где также была обнаружена ваххабитская литература, что позволило поставить вопрос и о его закрытии. В то время в оренбургской прессе продолжалась активная кампания против И. Шангареева³. В марте 2006 г. медресе «Аль-Фуркан» было окончатель-

---

¹ Здесь и далее цит. по: *Пономарев В.* Оренбуржье: преследование мусульман? 11 апреля 2005. – <http://www.hro.org/actions/nazi/2005/04/11.php?printv=1>.

² Предлогом для подачи иска было обучение без лицензии, нарушение правил пожарной безопасности и санитарных норм, а также обнаружение 6 октября 2004 г. взрывчатки и информация ФСБ об обучении в медресе шести лиц, имеющих отношение к террористической деятельности.

³ Достаточно сослаться только на несколько статей, опубликованных в Оренбурге и Бугуруслане. Это – «Гнездо ваххабитов» (МК в Оренбурге, 16 января 2002), «Аль-Фуркан терпит фиаско» (Оренбуржье, 24 января 2002), «Оренбургские спецслужбы против ваххабитов» (Бугурусланская правда, 12 февраля 2005), «Снимок из архива Масхадова» (Южный Урал, 16 марта 2005).

но закрыто. Его ликвидации предшествовал очередной рейд подразделения специальных войск и обыск в здании, которое оно занимало. При обыске были обнаружены листовки Хизб-ут-Тахрир (Партии исламского освобождения), а в самом медресе выявлена ячейка международной организации «Партия освобождения ислама», в которую входили обучавшиеся в медресе выходцы из Узбекистана¹.

В связанном с этими событиями заявлении оренбургской областной прокуратуры подчеркивалось, что «у бывших работников медресе (речь шла о его преподавателях — в то время российском гражданине туниского происхождения и нескольких татарах. — Г.К.) также была обнаружена литература террористической направленности». Про этих людей — распространителей экстремистской литературы — в заявлении следователя прокуратуры говорилось, что они автоматически становятся членами Партии освобождения Ислама. В свою очередь, в заявлении Управления внутренних дел по Оренбургской области отмечалось: «Возникло подозрение, что... сам руководитель медресе может иметь отношение к распространению листовок экстремистского содержания». 27 марта 2006 г. был произведен (уже не первый) обыск и в московской квартире И. Шангареева. Внимание власти (как федеральной, так и региональной) к медресе «Аль-Фуркан» (повторно зарегистрированном Управлением юстиции оренбургской областной администрации в мае 1999 г.) было, конечно же, частью проводившегося в различных регионах России курса на искоренение того, что официальные власти страны обычно называли очагами ваххабизма.

---

¹ Здесь и далее см.: В Оренбуржье начнется суд над членами Партии освобождения Ислама. — ИА Regnum, 19 июля 2006. — <http://www.regnum.ru/news/675935.html>.

Медресе «Аль-Фуркан», скорее всего, занимало центральное место в системе взаимоотношений «Бугуруслан – Саудовская Аравия», устанавливавшихся при активном содействии муфтия И. Шангареева. Оно было, как это определялось в его уставе, негосударственным духовным мусульманским образовательным учреждением, созданным Бугурусланским муфтиятом и по своему статусу являвшимся местной мусульманской религиозной организацией¹. В своей деятельности (как и сам муфтият) медресе руководствовалось известным кораническим аятом «Держитесь за вервь Аллаха все и не разъединяйтесь», откровением Всевышнего Аллаха – Аль-Куръан, Сунной Пророка Мухаммеда и нормами Шариата в соответствии с религиозно-правовым направлением... имама Абу Ханифы и при уважении традиционных мазхабов имамов Шафии, Малики, Ханбали (так в тексте цит. документа. – Г.К.). Неханифитские мазхабы упоминались в уставе медресе лишь в четвертой статье его первой главы, в дальнейшем же, при определении функций ректора, ученого и попечительского советов ссылки давались только на ханифитский мазхаб. В сфере гражданских взаимоотношений медресе действовало на основе Конституции Российской Федерации, а также законов Российской Федерации «О свободе совести и религиозных объединений» и «Об образовании».

Цели медресе определялись как «повышение духовного потенциала и укрепление духовно-нравственных устоев общества, создание... основы для подготовки гармонично раз-

---

¹ Здесь и далее цит.: Устав религиозной организации негосударственного духовного мусульманского образовательного учреждения Бугурусланского исламского медресе «Аль-Фуркан» Оренбургского духовного управления мусульман (Бугурусланский муфтият). С. 2–14.

витых и высокообразованных личностей, совместное исповедание и распространение ислама». Медресе должно было содействовать «взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами, различными расовыми, национальными, религиозными и социальными группами людей, учитывая разнообразие (существующих в обществе. — Г.К.) мировоззренческих подходов».

Медресе осуществляло подготовку студентов мужского пола по программам подготовки специальностей имам-хатыба и муэдзина. Обучение в нем происходило на русском языке (в дальнейшем же, после введения четырехлетней программы обучения предполагалось, что обучение в течение двух последних лет будет вестись на арабском языке). В сетке его часов отсутствовали какие-либо светские дисциплины (в этом отношении оно не было похоже на джадидские медресе, да и на их кадимистские аналоги дореволюционной России). Предметы, изучавшиеся, например, на втором курсе медресе, включали Коран, тафсир, хадисы, фикх, сиру Пророка, основы веры (акида) и грамматику арабского языка (нахв)¹. Финансирование деятельности медресе регулярно обеспечивалось Фондом «Исламский вакф». Его преподавателями были первоначально саудовцы, а позднее их место заняли тунисцы и алжирцы (некоторые из них были российскими гражданами), окончившие Исламский университет Умм-аль-Кура² (Мекканский уни-

¹ Джадваль аль-хисас ли ас-сана ас-сания ли аль-амм ад-дирасий 1998/1999 (Расписание занятий второго курса на 1998/1999 учебный год). — Личный архив автора.

² Старейшее саудовское высшее учебное заведение *Джамиа Умм-аль-Кура* — Университет матери городов (традиционный арабо-мусульманский эпитет Мекки). Открылся в 1949 г. по специальному указу основателя современного саудовского государства короля Абдель

верситет)¹, заработная плата которых поступала из того же саудовского фонда.

Имеющийся в распоряжении автора этой работы список (к сожалению, неполный) 43 шакирдов медресе «Аль-Фуркан» (датированный 1999 г.) позволяет составить определенное впечатление об этих студентах².

Все они были молоды. Самый старший родился в 1965 г., самый младший — в 1985. Только 13 человек родились до 1980 г. В этом списке 20 татар, 6 казахов, 4 дунганина, 4 таджика, 3 киргиза, 2 узбека, по одному башкиру, уйгуру, азербайджанцу и русскому. Все они (за исключением одного) были холосты. Только один из них родился в Бугуруслане, хотя сам И. Шангареев рисовал иную картину: по его словам, среди студентов медресе 10% бугурусланцев, 65–75% татар из других регионов России и 35% представителей ближнего зарубежья³.

В списке студентов медресе⁴ лишь 6 человек из общего числа татарских студентов были выходцами из районов Оренбургской области, входящих в зону влияния Бугурусланского муфтията. Остальные приехали из Татарстана, Башкортостана и Мордовии. Студент-башкир

Азиза Ибн Сауда шариатский факультет в Мекке в качестве первого высшего саудовского учебного заведения. В настоящее время ведет подготовку специалистов в области богословия, а также широкого списка гуманитарных и технических специальностей. — См.: http://www.uqu.edu.sa/pdf/UQU_brief_history.pdf.

¹ По словам И. Шангареева, он лично встречался с выпускниками этого университета и предлагал поехать на работу в Бугуруслан тем из них, кто, по его мнению, наилучшим образом подходил для этого (см.: запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 15 июля 1999 г.).

² Здесь и далее: Список студентов Высшего исламского института «Аль-Фуркан». — Личный архив автора.

³ Запись беседы с муфтием И. Шангареевым от 15 июля 1999 г.

⁴ Здесь и далее: Список студентов Высшего исламского института «Аль-Фуркан».

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

прибыл в Бугуруслан из Башкортостана, студенты-казахи из юго-восточных районов Оренбургской области и Казахстана (в частности, Актюбинской области). Единственный русский студент (мусульманин) – уроженец Ижевска (Удмуртия).

Подавляющее большинство этих студентов до приезда в медресе жили в сельской местности или небольших городах, по укладу жизни близких к деревням. Многие из них – выходцы из многодетных семей (пять-семь детей), где матери – домохозяйки. Профессии же их отцов чаще всего связаны с физическим трудом (шофер, столяр, сапожник, строитель, каменщик). Немногие родились в семьях сельских учителей, преподавателей средних профессионально-технических училищ, только у одного шакирда отец был сельским имам-хатыбом. Тем не менее среди профессий отцов студентов назывались также «фермер» и «предприниматель», хотя, вероятно, речь вовсе шла не о богатых людях, а о представителях деятельного слоя сегодняшнего российского населения. Это означало лишь, что, видимо, наметилась тенденция к появлению предпринимательских групп, объединенных общими религиозными узами, которые имеют подготовленных при их финансовой поддержке служителей культа и так обеспечивают свое этносоциальное выживание. Беседы автора этих строк со студентами медресе дали ему определенное основание для такого вывода.

Крушение медресе «Аль-Фуркан» поставило под сомнение смысл дальнейшей деятельности И. Шангареева на поприще религии. В конце августа 2007 г. на созванном по его инициативе (но состоявшемся без его участия) внеочередном съезде Бугурусланского муфтията и Ассоциации мечетей России было заявлено, что И. Шангареев сложил с себя полномочия

главы обоих религиозных объединений в связи с отъездом на постоянное место жительства за границу (в Объединенные Арабские Эмираты. — Г.К.). Главой Бугурусланского муфтията стал его заместитель Асхат Шафигуллин¹. Но еще раньше, в мае 2007 г., глава Оренбургского муфтията А.Б. Хайруллин поспешил заявить, что шангареевцы вошли в состав возглавляемого им Духовного управления: «Сделав приличное количество ошибок, — отметил он, — бугурусланцы решили начать все с чистого листа. Возможно, из-за того, что Исмагил Шангареев уже давно живет не в России, бугурусланцы обратились ко мне с просьбой разрешить им войти в состав нашей организации. Что им надо было ответить?! Я согласился, ведь проигравших надо прощать»². Впрочем, в начале июня того же года сам И. Шангареев опроверг слова А.Б. Хайруллина³.

Вне зависимости от того, верна ли информация, сообщенная А.Б. Хайрулиным или И. Шангареевым, очевидно главное — И. Шангареев вне сомнения проиграл своему оренбургскому сопернику (и, что существеннее, главе ЦДУМ муфтию Т. Таджутдину). При этом широкое наступление, по названным выше причинам, на возглавлявшееся бывшим бугурусланским муфтием Духовное управление носит общенациональный или глобальный

---

¹ Исмаил Шангареев сложил с себя полномочия, но остался муфтием. — Interfax-Религия, 27 августа 2007. — <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=19962>.

² Шангареевцы вошли в состав РДУМ Оренбургской области. — 2 мая 2007. — <http://www.islam.ru/rus/2007-05-02>.

³ Он, в частности, сообщил одному из российских мусульманских информационных агентств: «Ваша информация не соответствует действительности. Мои приходы никуда от меня не уходили, как это было вам сообщено Хайрулиным. Вы сами это можете проверить». 18 июня 2007. — <http://muslim-press.ru>.

характер. Все те же причины, если облечь их в более приземленную форму, будут выглядеть весомее и принципиальнее. Дело в том, что в начале 2000 гг. муфтий И. Шангареев стал *ersona non grata* (в том числе и для Совета муфтиев России¹), поскольку возникали новые, плохо совмещавшиеся с эпохой становления российской государственности тенденции развития и Оренбургской области, и российского мусульманского сообщества.

---

¹ В течение всего времени сотрудничества И. Шангареева с Советом муфтием России в их отношениях не раз возникали ситуации напряженности и отсутствия взаимопонимания. Для этого имелись, порой, существенные обстоятельства, связанные с личными качествами и поступками бугурусланского муфтия. Напряженность в этих отношениях возникала, в частности, в связи с публикацией И. Шангареевым сборника фетв саудовских имамов (см.: *Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий* (издатель муфтий Исмагил-хазрат Шангареев). — М., 2003.). Ее вызывали и претензии главы Духовного управления Ассоциации мечетей России на особое положение в составе Совета муфтиев, как и его (очень часто расходившиеся с позицией этого мусульманского центра) позиции по вопросам внутрироссийской политики, а также тесное взаимодействие И. Шангареева с российскими правоохранительными структурами.

ГЛАВА 6

ИСЛАМ И ЕГО ПРИВЕРЖЕНЦЫ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ СЕГОДНЯ. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Результатом длительного противостояния Бугурусланского и Оренбургского муфтиятов стала очевидная победа сторонников ЦДУМ и их регионального представительства в областном центре. А итогом развития национальных объединений тюрко-мусульманских меньшинств ныне является феномен их множественности и распыленности, реально существующий сегодня в пределах административного пространства Оренбургской области.

В декабре 1999 г. ООТОЦ был преобразован в Оренбургскую региональную татарскую национально-культурную автономию (НКА)¹, что означало отказ от каких-либо форм ориентации на Татарстан и окончательное включение татарских активистов в процесс конструирования гражданского общества Оренбуржья².

---

¹ См. об этом: Программное заявление Оренбургской региональной татарской национально-культурной автономии // Яна Вақыт, 1999. № 2.

² См. об этом более подробно: *Косач Г.Г.* Политический аспект христианско-исламского пограничья: Оренбургская область (Proceeding of the International Symposium on Islamic Civilization in the Volga-Ural Region. Kazan), 8–11 June 2001. — Istanbul, 2004. P. 281–286.

Еще раньше (в 1997 г.) трансформировался и Центр «Туган тел», ставший Оренбургской городской НКА с тем же названием¹.

Создание Оренбургской региональной татарской НКА ни в коей мере не способствовало объединению всего татарского этнического сообщества области под ее эгидой. Едва ли не сразу после ее возникновения в Асекеевском районе возникла собственная татарская национально-культурная автономия². В дальнейшем своя национально-культурная автономия татар появилась в еще одном районе западной зоны области – Абдулинском. Список татарских национальных организаций и центров, в который вошла, в том числе, и созданная одним из бывших активистов ООТОЦ Рифкатом Хуснутдиновым Оренбургская городская болгарская община, включающая организационные структуры, сформированные в городах (в первую очередь) западной зоны районов – Бугуруслане и Бузулуке, а также в селе Татарская Каргала. Наконец, в самом Оренбурге базируются несколько татарских общественных организаций, претендующих на роль общеобластных. Личные наблюдения автора позволяют говорить о них как о конкурирующих между собой и в значительной степени лишенных сколько-либо существенной общественной поддержки структурах, едва ли не в полной мере ориентирующихся на те или иные группы этнического предпринимательства и на подразделения областной и районной исполнитель-

---

¹ См. об этом: *Шакиров З.* Оренбургскому татарскому общественному центру «Туган тел» 10 лет. С. 34–35.

² Здесь и далее автор опирается на сведения о национально-культурных общественных объединениях и институтах Оренбургской области на 01.01.2007 г. Документ размещен на сайте Министерства информационной политики, внешних и общественных связей Оренбургской области. <http://www.mininform.orb.ru>.

ной власти. В равной мере этот вывод относится и к национальным объединениям двух других тюрко-мусульманских меньшинств (как, впрочем, и ко всем другим национальным обществам Оренбургской области).

Сегодня Оренбургская областная общественная культурно-просветительская организация казахов «Казах тиле» оттеснена с ведущих позиций тремя конкурирующими между собой и ориентирующимися на различные группы оренбургских бизнесменов казахского происхождения обществами (но считающими своей задачей деятельность исключительно в пределах оренбургского территориального пространства) – Ассоциацией казахов Оренбуржья, Оренбургской региональной национально-культурной казахской автономией и Оренбургской областной общественной организацией казахов. Вместе с тем в некоторых внутриобластных административных формированиях, где присутствуют вкрапления казахов (Новоорском, Акбулакском или Домбаровском районах), действуют собственные районные национально-культурные автономии. В такой же мере это относится и к городам – Оренбургу и Орску.

На фоне татарской и казахской множественности организационных структур башкирская ситуация кажется более выгодной (что в конечном счете определяется приемлемыми для оренбургского областного правительства соглашениями с властями Башкортостана). Общественное движение «Оренбургский областной курултай башкир “Караван-сарай”» практически в полном объеме сохранило единство своих организационных структур, хотя на территории области ныне действует и Межрегиональная общественная организация «Башкирский народный конгресс», а в Орске и в Сорочинском районе возникли самостоятельные,

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

соответственно, Орская городская общественная организация «Татаро-башкирский культурный центр “Туган тел”» и Сорочинское региональное общественное движение возрождения национальных культур тюркских народов «Туган тел». Тем не менее руководство «Караван-сарая» распространяется сегодня на его отделения во всех районах области, где имеются группы башкирского этнического меньшинства. Но, как и в случаях с татарами и казахами, основная задача всех этих центров и объединений состоит в созидании отвечающего целям и задачам областной исполнительной власти единого гражданского общества Оренбуржья как неотъемлемой части российского народа.

Это означает, что создававшаяся исполнительной властью области ситуация не только маргинализировала возможность участия национальных объединений тюрко-мусульманских меньшинств в принятии политического решения регионального уровня. Она превратила эти объединения в инструмент контроля власти над целыми группами населения области.

Казалось бы, победа Оренбургского муфтията над его региональным соперником восстановила каноническое единство приверженцев ислама в пределах областного территориального пространства. Такая оценка случившегося формально справедлива.

Однако, скорее всего, эта победа вовсе не определялась действительным преимуществом одного из региональных духовных управлений над другим. Напротив, это преимущество оказалось, в конечном счете, связанным с тем, что современная Россия не выглядит такой, какой она была в течение 1990-х и начала 2000-х годов. Произошедшие в ней централизаторские перемены (включая и их ре-

гиональное преломление) в полной мере отвечают интересам оренбургской власти, которая уже давно с подозрением относилась к внешним контактам И. Шангареева, считая, что эти контакты превращают часть мусульман подконтрольного ей административного пространства в сообщество, далекое от создаваемого ею оренбургского гражданского общества. Благодаря этим переменам оренбургская власть окончательно ввела местный ислам в число российских традиционных конфессий, опора на которые и позволяет ей создать искомое региональное единство с его этническим и религиозным многообразием. События, предшествовавшие во временном отношении «победе» одного из оренбургских муфтиятов, лишь доказывали это.

7 июля 2006 г. министр информационной политики, общественных и внешних связей С.Г. Горшенин вместе с муфтием А.Б. Хайрулиным подписали «Протокол о намерениях правительства Оренбургской области с Духовным управлением мусульман Оренбургской области (Оренбургским муфтиятом)»¹. Областная власть сделала выбор в пользу только одного из двух действовавших в то время в пределах оренбургского территориального пространства духовных управлений мусульман.

Этот документ предполагал развитие взаимосвязи государственных органов с представителями исламской религии в организации духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан. В нем оговаривалась координация деятельности правительства области и Оренбургского муфтията в «подготовке совместных образовательных и просветитель-

---

¹ Здесь и далее см.: Подписание Протокола о намерениях Правительства Оренбургской области с Духовным управлением мусульман Оренбургской области, 7 июля 2006.

ских передач, проведении совместных благотворительных проектов и участие в сохранении историко-культурного наследия Оренбургской области». Поскольку, отмечал оренбургский чиновник, «национальное и конфессиональное многообразие края вызывает немало проблем и ставит перед правительством области важную политическую задачу обеспечения стабильности общественного бытия народов, населяющих область», «эту задачу предстоит решать совместными усилиями государственной власти и представителей различных религий». Несколькими месяцами раньше, 20 апреля 2006 г., был подписан идентичный протокол с Оренбургской и Бузулукской епархией Русской православной церкви¹.

3 марта 2006 г. был предан гласности закон Оренбургской области «Об общественной палате Оренбургской области»². Одно из его поло-

¹ Подписание Протокола о намерениях между Министерством информационной политики, общественных и внешних связей Оренбургской области и Оренбургской и Бузулукской епархией Русской православной церкви. 20 апреля 2006. — <http://www.orb.ru:8080/dynamic?shownews&arch&nd=963713103>.

² В контексте целей и задач этого органа, финансируемого из областного бюджета, отмечалось, что Общественная палата будет содействовать «выработке рекомендаций органам государственной власти Оренбургской области при определении приоритетов в области государственной поддержки общественных объединений и иных объединений граждан Российской Федерации, проживающих в Оренбургской области, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества в Российской Федерации». Порядок ее формирования предполагал, что в ее состав будут включаться, в том числе, и представители «областных общественных объединений», которые заявят «о желании включить» их «в состав Общественной палаты» после того, как это «желание» будет оформлено «решениями руководящих коллегиальных органов соответствующих объединений» — Закон Оренбургской области от 3 марта 2006 года № 3152/548-III-ОЗ «Об общественной палате Оренбургской области». — http://www.orenburg-oblast.ru/regions_code/about/list/index.php?SECTION_ID=18008.

жений предполагало, что «общественная палата призвана обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, проживающих в Оренбургской области, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан, конституционного строя и демократических принципов развития гражданского общества». Вместе с тем значение этого положения не должно преувеличиваться – Общественная палата области в лице ее руководящего органа – Совета непосредственно курируется министром по информационной политике, общественных и внешних связей правительства области С.Г. Горшениным¹.

В то же время, закон «Об общественной палате Оренбургской области» предусматривал, что губернатор области имеет право включить в состав Общественной палаты на основе консультаций с общественными объединениями, объединениями некоммерческих организаций, научными учреждениями и творческими союзами 15 граждан Российской Федерации, проживающих в этой области и имеющих особые заслуги перед Оренбургской областью². Одним из них стал глава Оренбургского муфтията А.Б. Хайруллин, введенный в состав комитета Общественной палаты по вопросам национальных и этноконфессиональных отношений (как и митрополит Валентин,

---

¹ См.: Совет Общественной палаты. – http://www.mininform.orb.ru/org/pal_old.html.

² Закон Оренбургской области от 3 марта 2006 года № 3152/548-III-ОЗ «Об Общественной палате Оренбургской области».

управляющий Оренбургской и Бузулукской епархиями Русской православной церкви)¹.

Характеризуя состав вновь созданного в области органа, ее губернатор А.А. Чернышев говорил: «В состав палаты вошли лидеры общественных движений, заслуженные деятели науки, культуры, здравоохранения, представители религиозных конфессий. Мне приятно отметить, что вы все люди сверхответственные, обладающие большим жизненным опытом и высоким интеллектуальным потенциалом, с государственным подходом к решению проблем. Это залог того, что вы, дорогие друзья, будете объективно оценивать происходящие в обществе процессы и вести конструктивный диалог, как с органами власти, так и с жителями Оренбуржья»². Обращало на себя внимание только одно обстоятельство — даже если учитывать, что в момент создания Общественной палаты муфтий И. Шангареев проживал в Москве и, конечно же, не имел оренбургской регистрации, никто из представителей все еще продолжавшего свою деятельность Бугурусланского муфтията не был введен в ее состав. Выбор, уже сделанный оренбургской исполнительной властью, приобретал характер окончательного решения.

План работы этого комитета на второе полугодие 2007 г. предполагал, что муфтий и глава православной епархии являются ответственными за организацию круглого стола на тему «Противодействие распространению идей религиозного экстремизма». Но, уже начиная, по крайней мере, с 2005 г., такие круг-

---

¹ Комитет Общественной палаты по вопросам национальных и этноконфессиональных отношений. — <http://www.orenburg-oblast.ru/about/clause/194/458122>.

² Выступление А.А. Чернышева на заседании Общественной палаты Оренбургской области, 17 июня 2006. — http://www.orb.ru:8080/dynamic/read_text?nd=963702177.

лые столы постоянно проводились Управлением по связям с общественными, национальными и религиозными организациями Министерства информационной политики, общественных и внешних связей правительства Оренбургской области, когда священнослужители лишь приняли участие в их работе¹. Естественно предположить, что возложенные на оренбургского муфтия полномочия не более чем одна из форм распределения обязанностей между государственными религиозными деятелями области и исполнительной властью (как одновременно и способ ее контроля над ситуацией в областном мусульманском сообществе). Но именно такой муфтият, имея в виду его нынешнее состояние, мог быть включен в областной политический процесс.

---

¹ Круглый стол «Противодействие распространению идей этнического и религиозного экстремизма», 31 марта 2006. — <http://www.orb.ru:8080/dynamic?shownews-&nd=963714994>. См. также: Новое издание по материалам круглого стола по разъяснению Закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности», содержащее материалы состоявшегося 28 октября 2005 г. круглого стола. <http://www.mininform>.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Амелин В.В., Моргунов К.А., Муртазина Р.С., Николов О.В., Федосова Н.В.* Региональная этнокультурная политика, межэтнические и этноконфессиональные отношения в Оренбуржье. Ежегодный доклад, 2004. — Оренбург, Комитет Администрации Оренбургской области по делам национальностей и связям с религиозными организациями, 2005 // <http://www.mininform.orb.ru>.
2. *Амелин В.В.* Оренбуржье — приграничье России // *Обозреватель (Observer)*. — М., 1998. № 1.
3. *Амелин В.В.* Межкультурные взаимодействия в условиях полиэтнической области (пример русских и татар в Оренбуржье) // *Этнопанорама*, 1999. № 1.
4. *Амелин В.В.* Этнокультурная политика в многонациональном регионе // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — СПб., 2004. Т. VII, № 1.
5. *Амелин В.В., Торукало В.П.* Оренбуржье в этнополитическом измерении. — М., 1996.
6. *Амелин В.В.* Программа поддержки развития национальных культур народов Оренбуржья // *Этнополитический вестник*, 1995. № 1.
7. Башкортостан. Краткая энциклопедия. — Уфа, 1996.
8. *Балакшин Н.Н.* О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. — СПб., 1887.
9. *Бурматов В.* О религиозной обстановке в Оренбургской области // *Диалектика истории Оренбуржья*. — Оренбург, 1994.
10. *Бурматов В.* Платформа согласия // *Жизнь национальностей Оренбуржья*. — Оренбург, 1996. № 2.
11. *Горшенин С.В.* Дорога к крепкой экономике идет через храм // *Южный Урал, Оренбург*,

Библиография

январь 2007 // <http://www.mininform.orb.ru/books/papers/012007.html>.

12. *Валиханов Ч.* Собрание сочинений. – Алма-Ата, 1985.
13. *Даль В.И. (Казак Луганский).* Полное собрание сочинений. – СПб., 1897–1898. Т. VII.
14. *Дорофеев В.В.* Символ города. – Оренбург, 1993.
15. Ислам в Приволжском федеральном округе / Гл. ред. Д.В. Мухетдинов. – Нижний Новгород, 2007.
16. *Исхаков Д. М.* Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997.
17. Ислам от Каспия до Урала. Макрорегиональный подход / Под ред. К. Мацузато). – Саппоро, Slavic Research Center, 2006.
18. *Ибрагимов Г.* Татары в революции 1905 года. – Казань, 1926.
19. Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий. – М., 2003.
20. Кинельская чаша. Бугуруслану – 250 лет. – Оренбург, 1999.
21. *Косач Г.Г.* Город на стыке двух континентов: оренбургское татарское меньшинство и государство. – М., 1998.
22. *Косач Г.Г.* «Государственный» город и национальные автономии: Оренбург в первые советские годы // Вестник Евразии, 2002. № 2.
23. *Косач Г.Г.* Казахский «образованный класс» в Российской империи // Казахстан и Россия: общества и государства / Отв. ред. Д.Е. Фурман. – М., 2004.
24. *Косач Г.Г.* Российский регион в постсоветское время: тюрко-мусульманские меньшинства Оренбургской области // Вестник Евразии, 1999. № 5.
25. *Косач Г.Г.* Муфтият российского постсоветского региона: становление и эволюция // Вестник Евразии, 2000. № 2.
26. *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Внешняя политика Саудовской Аравии: приоритеты, направления, процесс принятия решения. – М., 2003.

Косач Г.Г. *Ислам в Оренбургской области*

27. *Косач Г.Г.* Татары Оренбургской области: между диаспорой и автохтонностью // *Диаспоры*, 2005. № 2.
28. *Ларина Е., Наумова О.* Ислам имамов и традиционализм у казахов России // *Вестник Евразии*, 2007. № 3.
29. *Ларина Е., Наумова О.* Народное самоуправление у казахов Оренбургской области // *Вестник Евразии*, 2006. № 4.
30. *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. — М., 1998.
31. Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. — Оренбург, Вып. I. 1877. С. 36.
32. *Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В.* и др. История Казахстана: народы и культуры. — Алматы, 2001.
33. Мечети в духовной культуре татарского народа (XVII в. — 1917 г.). Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Казань, 25 апреля 2006 г. — Казань, 2006.
34. Многонациональный мир Оренбуржья. — Оренбург, 1995.
35. Оренбург. К 250-летию Оренбурга. — Челябинск, 1993.
36. *Павловский В.К.* Оренбургская золотопромышленность за 100 лет, правовые отношения к ней Оренбургского казачьего войска и современное состояние золотопромышленности вообще. — Екатеринбург, 1905.
37. *Рагузин В.Н.* На острие российской геополитики. — М., 1999.
38. *Рагузин В.* Межнациональные противоречия в религиозной среде // *Религия, церковь в России и за рубежом*. 1996. № 7.
39. *Рахимкулова М. Ф.* Медресе «Хусаинийя» в Оренбурге. — Оренбург, 1997.
40. *Рахимкулова М. Ф.* Рэмиевлэр (Рамиевы). — Оренбург, 1995.
41. *Ремнев А.* Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // *Вестник Евразии*, 2006. № 4.
42. *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. — Оренбург, 1896.

43. *Сайфи Ф.* Татары до Февральской революции. — Казань, 1930.
44. *Султангалиева Г.С.* «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской Степи (XVIII—XIX вв.) // Вестник Евразии, 2000. № 4.
45. Татары в Оренбургском крае. Научно-практическая конференция. — Оренбург, 1996.
46. *Торукало В.П.* Национальные проблемы народов Оренбуржья: пути их разрешения // Национальные проблемы народов Оренбуржья: история, современность. Материалы научно-практической конференции. — Оренбург, 1993.
47. *Торукало В.П.* Национально-культурная политика в регионе: опыт, проблемы, тенденции. — Оренбург, 1995.
48. *Узбеков И.* Диаспора и республика: проблемы взаимодействия // Жизнь национальностей Оренбуржья // Информационный вестник, 1996. № 2.
49. *Узбеков И.Г.* О некоторых проблемах межэтнических и межконфессиональных отношений // Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. — Оренбург, 2002.
50. *Фахретдин Ризаэтдин ибн.* Ахмад-бай: Пер. М.Ф. Рахимкуловой. — Оренбург, 1991.
51. Христианство и ислам на рубеже веков. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Оренбург, 1998.
52. *Шакиров З.* Оренбургскому татарскому общественному центру «Туган тел» — 10 лет // Жизнь национальностей Оренбурга // Информационный вестник, 1999. № 1.
53. *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. — Уфа, 1999.
54. *Ямаева Л.А.* Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906—1917 гг. Сборник документов и материалов. — Уфа, 1998.
55. *Ямаева Л.А.* Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. — Уфа, 2002.

ОБ АВТОРЕ

КОСАЧ Григорий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор Центра политологии и антропологии современного Востока. Заместитель главного редактора независимого научного журнала «Вестник Евразии» / («Acta Eurasica»). Эксперт Института Ближнего Востока (Москва).

Родился в сентябре 1944 г. в Оренбурге. В 1968 г. окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ по специальности «история арабских стран». Работал в Институте общественных наук при ЦК КПСС, Академии государственного управления Российской Федерации, Институте стран Азии и Африки при МГУ.

Специализируется на изучении проблем, связанных с различными аспектами политического развития стран Арабского Востока. Занимается также вопросами российского регионализма, национальных и религиозных движений в российских регионах и центрально-азиатских государствах.

В период с 1990 по 2008 г. подготовил более 70 научных работ, в том числе на английском, французском и арабском языках. Среди них такие монографии, как «Город на стыке двух континентов: оренбургское татарское меньшинство и государство»; «Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 20–30-е годы»; «Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения (в соавторстве с Е.С. Мелкумян)»; «Та-

Об авторе

таввур ас-сияса аль-хариджийя ас-саудийя мин таасис ад-дауля иля бидая аль-исляхат» («Эволюция саудовской внешней политики: от создания государства до начала процесса реформ») (в соавторстве с Е.С. Мелкумян); «Саудовская Аравия: внутривполитические процессы “этапа реформ” (конец 1990–2006 г.)»; «Ислам и мусульмане по материалам Восточного отдела ОГПУ, 1926 г». (в соавторстве с Д.Ю. Араповым).

Программа “Межрегиональные исследования в общественных науках” была инициирована Министерством образования РФ, “ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)” и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. “ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)” осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231

Электронная почта: info@ino-center.ru,

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» — российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Биллингтона, и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки “развития и распространения знаний и понимания”. Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна “творить реальное и прочное добро в этом мире”.

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.

Общественно-политическое издание

Григорий Григорьевич КОСАЧ

**Ислам
в Оренбургской области**

Редактор *Е.В. Комарова*
Корректор *А.В. Полякова*
Компьютерная верстка *М.В. Королева*
Художественное оформление *В.И. Моренко*

Подписано в печать 26.05.08.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ.л. 9,25. Тираж 1000 экз. Заказ
Издательская группа «Логос»
105318, Москва, Измайловское ш., 4
Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский
комбинат ВИНТИ», 140010, г. Люберцы,
Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86.